

ЛЕРА АНДЕРСОН

Я УКРАЛА
ЛИЧНОСТЬ
своей госпожи и
СТАЛА ЖЕНОЙ ПРИНЦА

18+

Лера Андерсон

**Я украла личность своей
госпожи и стала женой принца**

«Автор»

2026

Андерсон Л.

Я украла личность своей госпожи и стала женой принца /
Л. Андерсон — «Автор», 2026

Всего одна ночь изменила жизнь Беатрис до неузнаваемости. Ей пришлось украсть чужое имя и выйти замуж за принца, который предназначался её госпоже. Но теперь каждое её слово — ложь, а каждый взгляд, мимолётно брошенный на неё — игра с огнём. Всего одна ошибка, и её ждёт виселица. Но как оставаться собой, когда твоя жизнь тебе не принадлежит? А главное... Что делать, если он любит не её, а ту, чьё лицо она носит?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	37
Глава 11	45
Глава 12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лера Андерсон

Я украла личность своей госпожи и стала женой принца

Глава 1

Моя госпожа очень взволнована.

Это можно понять, даже не прибегая к магии. С самого утра она кружит то возле гардероба, то в общих комнатах, отдавая распоряжения. Я передаю приказы другим служанкам, и они раздражённо кивают, явно уставшие от суматохи, охватившей дворец в последние две недели.

— Интересно, какой он? Я слышала, он очень красив! Мне не терпится поскорее увидеть его. — Госпожа падает на огромную кровать, заваленную подушками из лебяжьего пуха. Опять убирать перья, можно же лечь аккуратнее!

Я молча вздыхаю.

Принцесса Эллен Лэстлайт, единственная дочь правителя Велмара, выходит замуж за наследного принца Аркании, огромной страны к северу отсюда. И я, её личная служанка, еду туда вместе с ней.

Не знаю, чему она так радуется. У меня есть свои причины недолюбливать Велмар, но здесь хотя бы теплее будет. Да и вряд ли в Аркании можно ожидать таких удобств, как развитая система канализации и отопления. Лично мне не очень хочется мыться в корыте, но кто я такая, чтобы привередничать.

— Уверена, что ваш жених будет прекрасен, госпожа, — отвечаю я, складывая в несессер туалетные принадлежности принцессы.

— Представляешь, Трис, всего через пару часов мы покинем этот дом. И неясно, когда я увижу эту комнату в следующий раз. Может, вообще никогда?

— Думаю, вы всегда сможете приехать погостить к Его Величеству.

Она подскакивает на кровати, и из её жемчужной ажурной косы выбивается несколько прядей, а лазурно-голубые глаза теперь смотрят прямо на меня. Надеюсь, мне не придётся заплетать волосы заново. Хочется поскорее закончить со всеми хлопотами и поехать. А перед этим выпить кофе, обязательно.

— Но ехать так долго, Трис! Представляешь, больше двух недель трястись в карете. Это же невозможная скука!

И мне тоже это предстоит. Наверное, будет сильно укачивать, хотя я почти не бывала в длительных поездках. Только когда мы ездили в Мареоллу, к морю. Тогда всё прошло хорошо, потому что дорога была благоприятная, но ехать на север...

— Не переживайте, Ваше Высочество. Я буду помогать вам и развлекать вас беседами, насколько хватит моего скудного образования. — Разложив все баночки по отделениям, я захопываю несессер.

— К счастью, с нами едет Кас! Если станет скучно, мы можем и его подоставать с разговорами.

Не знаю, насколько хороший из барона Кассиана Тинрейта получится собеседник. Как придворный дипломат он обходителен, сдержан и, ко всему прочему, хорош собой. Острый ум и выдержка барона позволили ему войти в доверенный круг Его Величества несмотря на молодой возраст.

Когда наконец все приготовления завершены, я помогаю принцессе надеть тяжёлую синюю мантию из бархата, с воротником из соболя высшего качества, а сама набрасываю на плечи свой старый плащ. Другие слуги забирают оставшиеся сумки, чтобы погрузить их в повозку. Мы спускаемся по изящным мраморным лестницам к воротам дворца. Там посреди слегка заснеженной каменной дорожки нас уже ждёт небольшой кортеж из двух карет и повозки.

— Доброго дня, Ваше Высочество! Я буду сопровождать вас. — Высокий темноволосый мужчина с яркими глазами цвета фиалки учтиво кланяется принцессе, подавая руку, чтобы она могла войти в карету. Я не решаюсь поднять на него взгляд.

— Благодарю, Кассиан! — Улыбка принцессы озаряет её прекрасное лицо, подчёркивая лёгкие веснушки на переносице. — С тобой путешествие точно будет добрым.

Не успевает Эллен забраться в карету, как из-за спины слышится звонкий мужской голос.

— Дорогая, постой. Ты чуть не забыла попрощаться с папочкой.

Это голос Его Величества — Великого Герцога Велмарского, Дамиана Рудеуса Лэстлайта. Выговорить сложновато, я долго училась. Хорошо, что у меня есть только одно имя.

Принцесса оборачивается, улыбка всё ещё не сходит с её лица, наоборот, сияет новым светом. Она ловко соскакивает с подножки и, придерживая платье, бросается навстречу отцу.

От Великого Герцога всегда чувствуется невероятная сила и уверенность. До знакомства с ним я никогда не думала, что кто-то может обладать настолько светлой, но в то же время угрожающей аурой. Корона на его лысой голове сидит как влитая, а серебристая борода подчёркивает такие же голубые, как у принцессы, лучистые глаза. Облысел он не так давно, я помню его ещё с густыми серебристыми волосами, но ему всё равно это к лицу.

— Сам же решил меня замуж выдать! — Принцесса крепко обнимает его.

Ты всё это украла. Самозванка.

— Ты ведь у меня уже взрослая, Элли. — Великий Герцог кладёт свою большую ладонь на голову принцессы и по-отечески приглаживает блестящие волосы. Глядя на них, на то тепло, что всегда ощущается в отношениях отца и дочери, мне невольно хочется улыбаться. — Девятнадцать лет — это лучший возраст для замужества.

Я стою подле них, не вправе нарушать этот момент, но, признаться, мне тоже хочется попрощаться с Великим Герцогом. Он дал мне надежду на нормальную спокойную жизнь, работу, свежую еду и тёплую небольшую комнатуху, в которой я жила восемь лет. Обращался со мной по-доброму, был щедр и вежлив даже с прислугой. Так что я буду скучать.

Нехотя отец и дочь прерывают объятия. Великий Герцог лично подходит к карете и помогает принцессе забраться внутрь. Замерев в поклоне, я смотрю на подол его мантии, который слегка волочится по белому снегу.

— Подними голову, Беатрис.

Ох, он обращается ко мне. Его эмоции всё такие же спокойные и тёплые, такие же светлые. Чувствуя это, я выдыхаю.

— Да, Ваше Величество! — Я смотрю на Великого Герцога, держа взгляд чуть ниже его глаз, чтобы не оскорбить.

— Ты хорошо заботилась об Эллен. — Его рука так же по-отечески ложится на моё плечо. — Теперь ты будешь её опорой и в стенах нового дворца. Я рассчитываю на тебя.

— Буду продолжать стараться, Ваше Величество!

Лгунья.

Глава 2

Первая неделя путешествия проходит тяжело.

Мы с принцессой едем в одной карете, а Кассиан Тинрейт, как полагается, в другой, впереди нас. Замыкает кортеж повозка с вещами принцессы и парой солдат. Дипломат говорит, ничто не должно выдавать нашу причастность к королевской семье, иначе мы будем привлекать к себе слишком много внимания. А на дорогах всегда опасно.

Сложности начались тогда, когда мы миновали крупные города. Привести себя в порядок почти негде, приходится останавливаться в простых трактирах. Для обеспечения безопасности лорд Тинрейт снимает все комнаты и даёт увесистые кошельки владельцам, чтобы закрыть заведение на вечер. Естественно, никто ему в этом не отказывает.

Сегодня наша последняя остановка на ночлег в Велмаре.

Мыться принцессе приходится в корыте, в бане небольшого трактира у дороги. Совсем не те условия, что были во дворце — вода пахнет талым снегом, немного мутная, а само корыто неудобное. Я помогаю госпоже, взбивая пену в жемчужных волосах и натирая спину.

— Не думала я, что это будет так сложно. — Она смотрит перед собой куда-то в пустоту. Я чувствую её усталость и смятение, потому стараюсь как можно мягче обтирать губкой нежную кожу.

Тяжёлая дорога сказывается и на мне. Рука немного подрагивает, шея болит, но расслабляться нельзя. Принцессе куда тяжелее, ведь на всё это накладывается и её волнение от предвкушения встречи с будущим мужем. Я ощущаю это в каждом прикосновении к ней.

— Осталось немного, Ваше Высочество, — говорю я тихо. — Уже завтра мы пересечём границу. Большая часть пути позади.

Мои слова слегка успокаивают её. Обхватив плечи, она наклоняет голову вперёд, разглядывая своё отражение в мутной водной глади.

— Ты тоже помойся и иди отдыхать, Трис.

— Откажусь. — Я ополаскиваю в ведре мыльные пряди, наблюдая, как белая паутина расходится по поверхности. — Вы переживаете, не хочу оставлять вас в одиночестве.

Принцесса оборачивается, улыбаясь мне своей лучезарной улыбкой, от которой на душе сразу становится теплее.

— Ничего от тебя не скроешь. За это я тебя и люблю. Без слов всё понимаешь, знаешь, что на самом деле у меня на душе.

Я улыбаюсь в ответ.

— Это всего лишь моя магия, госпожа.

— Очень хорошая магия. — Принцесса откидывается назад и устраивается в корыте поудобнее, насколько это вообще возможно в грубом деревянном сооружении из досок. — Утешает лишь мысль о том, что скоро я увижу своего суженого. И ты поможешь мне узнать, как он относится ко мне.

— Уверена, он тоже очень ждёт вас, Ваше Высочество.

Ещё одна ложь.

Велмар позади. Серые пейзажи приграничных деревень сменяются снежными полями и густыми еловыми лесами. Здесь нет придорожных трактиров, торговцев и домов. Всюду только белая пелена, застилающая землю плотным покровом, и голубые иглистые ели. Больше ничего.

Экипаж едет по узкой тропинке. Даже из кареты слышно тяжёлое дыхание лошадей, не привыкших к холодному воздуху. Выглядывая из окошка, я вижу, как закатное солнце отражается от заснеженных вершушек величественных пород. Они утопают в золотом свете, отбрасывают фиолетовые тени на белое покрывало, но стоят неподвижно, как дань неприступной вечности.

Дух захватывает.

— Трис, будь добра, попроси Каса остановиться, — говорит вдруг принцесса, вырывая меня из размышлений.

— Вам снова плохо, госпожа?

— Немного, — на её лице появляется вымученная улыбка. — Я бы хотела выйти подышать воздухом.

Я касаюсь её плеча и чувствую густую, склизкую ауру, распирающую нутро болезненными спазмами. Её явно тошнит.

Выглядывая из кареты, я киваю сидящему на запятках лакею. Он стучится в карету дипломата. Спустя минуту кортеж останавливается. Я осторожно вывожу госпожу на улицу, и мы идём к ближайшим кустам, где принцессу выворачивает наизнанку. Сопровождающие учтиво отворачиваются, делая вид, будто ничего не замечают.

— Думаю, нам лучше разбить лагерь, Ваше Высочество. Ехать ночью опасно. — Кассиан Тинрейт подходит к нам, как только я привожу госпожу в порядок. — Ближайшие крупные поселения нас ждут только через сутки-двое. Мы остановимся в Аркенхольме, я бывал там и знаю приличный гостинный двор.

— Как скажешь, Кас, — вздыхает принцесса. — Тебе виднее.

Она чувствует облегчение. Видимо, перспектива спокойного отдыха радует её. Лорд Тинрейт же, напротив, слишком напряжён. От него веет беспокойством, Эфир сгущается и становится плотнее у ядра, чуть выше места, где бьётся сердце.

Пешком мы доходим до опушки леса и находим там участок, окружённый деревьями, чтобы они защитили нас от холодных северных ветров. Дипломат распоряжается разбить лагерь. Лакей и два солдата занимаются бытовыми хлопотами, в то время как я забочусь о госпоже.

— У вас жар, — шепчу я, приложив ладонь к её лбу. Щёки принцессы покраснели, как и глаза, губы высохли, покрылись трещинками. Она то и дело шмыгает носом, а её аура колеблется ни то от холода, ни то от озноба и тошноты.

— Всё в порядке, Трис. Просто недомогание.

Чувствую, в Аркенхольме нам придётся задержаться. Нужно сказать лорду Тинрейту, хотя, думаю, он и сам уже догадался, сидя напротив нас и бросая долгие взгляды на принцессу, кутающуюся в шерстяное одеяло.

Когда стемнело, мы с госпожой расположились в карете.

Первые часы проходят тяжело, она то и дело ворочается, сбрасывает одеяло и просит воды. Я ухаживаю за ней, топлю снег в ведёрке, протираю тело прохладной водой. Жар не отпускает её. Но под утро она наконец-то засыпает.

В карете душно. Пользуясь случаем, я выхожу немного подышать и прогуляться по поляне. Оглядываюсь по сторонам в поиске направления, хотя всюду, куда я ни пойду, будет одно и то же.

Здесь так тихо.

Только ветер воет где-то вдалеке, а из глубины леса слышится уханье сов. Я иду по хрустящему снегу, приближаясь к высоким елям, верхушки которых пронзают полотно ночи. Рядом с ними я ощущаю себя такой ничтожной. Вот величественное растение, которое, преодолевая холод и бури, переживает свою сотую зиму. Или двухсотую? Сколько там обычно живут еловые деревья?

А вот я. Простая служанка двадцати лет от роду. Служу своей госпоже, сопровождая её в новый этап жизни. Вот только в моей жизни ничего не изменится.

Отчего-то мне хочется обнять дерево, чтобы соединиться с чем-то столь великим, большим, стремящимся ввысь, к бескрайнему звёздному небу. Глупость какая-то. Но я не могу сопротивляться порыву.

Мои руки распахиваются навстречу шершавому стволу дерева. Он настолько широкий, что мне не удаётся обхватить его даже наполовину. Лёгкое дуновение ветра заставляет ближайшую ветку покачнуться, и она мягко щекочет меня своими иголками. Вот бы остаться в этом моменте, замереть так, слившись с дикой вековой природой.

Вдруг где-то поблизости слышится хруст снега.

— Как чувствует себя Её Высочество? — за спиной раздаётся басистый мужской голос. Я оборачиваюсь. Кассиан Тинрейт стоит в паре метров от меня, наблюдая странную картину. Он обращается ко мне впервые за время нашего путешествия, и я вздрагиваю от неожиданности.

Отстранившись от елового ствола и отряхнув свои скромные одежды, я как ни в чём не бывало принимаю обычную смиренную стойку и спокойно отвечаю ему:

— Всю ночь мучилась, но, наконец, уснула. Дорога даётся ей непросто. Боюсь, принцесса могла простудиться, её следует показать лекарю.

Он хмыкает.

— Понятно. А вы сами как?

Я удивлённо приподнимаю бровь. С чего бы кому-то интересоваться моим самочувствием? Ему ведь до меня нет дела, мы общаемся только по вопросам, касающимся Её Высочества.

Сосредоточившись, я пытаюсь понять исходящую от дипломата ауру. Но вроде всё как обычно.

— От вас ведь тоже зависит благополучие принцессы, — видя моё замешательство, уточняет он.

Не думала, что кто-то придаёт моей роли такую значимость. От этого на душе становится немного теплее. Приятно, когда твой труд ценят.

— Вы когда-нибудь ездили куда-то так далеко? — спрашивает он, глядя мне прямо в глаза. — На север, или, быть может, на восток?

— Нет, лорд Тинрейт. Мне приходилось лишь пару раз сопровождать принцессу в её поездках.

Странно. Он ведь должен знать, откуда я. Сам присутствовал в тот день, когда меня забрали в семью Лэстлайтов.

— Вот как. Значит, вы родились в Новеллине?

— Да, — киваю я.

К чему он это спрашивает? Хочет поддержать светскую беседу? Я ведь всего лишь служанка, ему нет нужды разговаривать со мной.

— Гадаете, почему я спрашиваю? — Его взгляд становится серьёзнее. — Просто я всё думал, откуда в промышленном городке, тем более в каком-то трактире, могла взяться девочка с магией ментализма.

Я на секунду замираю. Вглядываюсь в его лицо, в ауру, но тут же отвожу глаза, ведь не пристало мне, простой служанке, внаглую рассматривать аристократа.

— Вы ведь знаете, господин, что чувствительность к Эфиру проявляется случайно, — бросаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более ровно и непринуждённо.

Барон делает несколько шагов навстречу, его аура сгущается. Я едва сдерживаюсь, чтобы не отшатнуться сразу.

— Впрочем, это не важно. Главное, что вы полезны Её Высочеству. — Он наклоняет голову, пытаясь заглянуть в мои глаза. — Кстати. На этот счёт у меня к вам будет одно дело...

Вдруг меня охватывает чувство паники. Голова резко поворачивается в сторону лагеря. По спине бегут колющие мурашки, дыхание учащается, обжигая лёгкие ледяным воздухом.

Мой голос разрезает тишину:

— *Принцесса!*

Глава 3

Я стараюсь бежать быстрее, но ноги не слушаются. Они путаются, застревая в сугробах, а сердце бешено колотится, содрогаясь вместе с Эфиром. Мною всё сильнее овладевает неизвестный, первобытный страх.

Страх смерти.

И он принадлежит не мне.

Лорд Тинрейт обгоняет меня, догадавшись, что я не просто так вдруг сорвалась с места. Со стороны лагеря слышны странные звуки. Лязг металла, смешанный с мужскими криками.

— Иди к принцессе! — Барон отскакивает в сторону. Напротив него стоит незнакомый мужчина в крови. Я с ужасом смотрю на него, и обрывки мыслей в голове начинают складываться в единую картину.

По спине пробегает холодок. Я сразу бросаюсь к карете, где должна отдыхать принцесса. Место лакея покрыто инеем, а сам слуга лежит неподалёку с торчащими из спины ледяными шипами.

Великая Стальная Дева, хоть бы с ней всё было хорошо. Пожалуйста. *Пожалуйста!*

Обойдя карету, я замираю. Дверца открыта. На снегу возле колеса виднеются капли крови. Тонкая струйка продолжает стекать откуда-то из-под дна кареты.

Нет, *нет*, **нет**!

Всё моё естество охватывает ужас. Я запрыгиваю в карету, неготовая столкнуться с тем, что могу увидеть там.

— Тр...ис-с... Бх!

Принцесса лежит на полу, захлёбываясь собственной кровью. Тяжёлое, прерывистое дыхание сменяется кашлем.

Мой Эфир леденеет. Тело накрывает дрожь, пульс отдаётся гулками ударами в голове, отчего всё вокруг кажется нереальным, будто это сон, а не явь. Я сглатываю подступивший к горлу ком и спокойно сажусь на пол, чтобы не пугать Её Высочество.

Она смотрит на меня. Её глаза распахнуты от испуга, плечи то приподнимаются, то снова опускаются с каждой волной проливающейся из раны крови. Подол своего платья я прижимаю к шее госпожи. Тёплая жидкость под ним толкается в мою руку.

— Всё хорошо, принцесса.

На глаза тут же наворачиваются слёзы. Стараясь сохранять самообладание, я делаю глубокий вдох и осторожно прикладываю ладонь к её холодной щеке. Через это прикосновение ненароком считываю эмоции своей госпожи. Страх. Смятение. Злоба. Сожаление.

— Я... уви... жу... прин... кха! прин... ца? — вопрос застывает в её глазах.

Сейчас они светятся так ярко, как никогда. Даже в эту секунду, на грани, когда принцесса понимает, что спасения нет, среди всего месива ужасных красок на поверхность проступает нечто, что рушит последние крупницы моего самообладания и заставляет слёзы горячими потоками пролиться из глаз.

Надежда.

И эта надежда оказывается самым горьким и болезненным чувством из всех, что одолевают её сейчас.

Нет. Я не позволю моей госпоже страдать! Нужно сделать что-то, попробовать забрать эту боль.

На пороге кареты, оцепенев, стоит Кассиан Тинрейт. Но мне всё равно, взгляд прикован к бледному лицу принцессы. Прижимая свою руку сильнее к ледяной коже, я сосредотачиваюсь, и моё сердце наполняет всё то, что сейчас чувствует она. Эмоции подобно воде переливаются

из одного сосуда в другой. Я вижу, как гримаса боли и страха сменяется блаженным облегчением под нажимом моей ладони.

Кажется, получилось.

— Принц непременно полюбит бы вас, Ваше Высочество, — я стараюсь говорить спокойно, но челюсть дрожит от озноба. Мой Эфир меняется. Я сглатываю, убирая прилипшие к коже пряди с лица принцессы. — Не меньше, чем я люблю вас.

Всё тело начинает дрожать, когда леденящий ужас касается моей души. Дыхание учащается, становится тяжёлым.

Это не важно.

Слабая улыбка трогает синеющие губы моей госпожи.

— Спа... сибо.

Слёзы безостановочно падают из моих глаз, отчего её лицо искажается. Отянув вторую руку от шеи принцессы, пытаюсь вытереть их, но без толку. Сквозь мутную пелену видно, как гаснет взгляд лазурно-голубых глаз. И я ничего не могу сделать. Только смотреть.

Осторожно подхватив тело принцессы, я прижимаюсь к ней грудью. Её дыхание останавливается, а через несколько секунд останавливается и кровь. Изящная кисть с тонкими пальцами падает, с глухим стуком ударяясь о деревянный пол кареты. Из моего рта вырывается истошный крик.

Лорд Тинрейт касается моего плеча, но я отпихиваю его руку.

— Нам нужно бежать. Если будешь кричать, могут прийти ещё такие же ублюдки и сделать с нами то же самое.

— Я не оставлю её так! — кричу я, сильнее прижимая к себе бездыханное тело. Лицо жжёт от слёз, в горле саднит. Грудь содрогается от рыданий, и я запускаю пальцы в жемчужные волосы, приглаживая эти вечно непослушные локоны.

— Я заберу её, — тихо говорит барон. — Иди возьми что-нибудь из вещей и еды в сундуках. Нужно скорее убраться отсюда.

Руки сопротивляются. Пальцы цепляются за ткань её платья, словно пытаются схватить остатки души, но без толку. Принцесса мертва. Ничего не осталось.

Выпустив из хватки тело, покинутое Эфиром, я не осмеливаюсь посмотреть на лицо Её Высочества. Не хочу запомнить её такой. Колени дрожат, подъем с залитого кровью пола даётся мне тяжело.

Вытирая лицо рукавом платья, я на шатающихся ногах выхожу из кареты и невольно оглядываюсь. То тут, то там на снегу виднеются багровые пятна. У тлеющего кострища на боку лежит тело одного из солдат, сопровождавших нас. Оно всё изранено, но это не так бросается в глаза, как торчащий из его живота огромный ледяной шип, а подле него лежит меч, который, кажется, даже не смогли применить по назначению. Ещё несколько шипов проткнули насквозь мускулистые тела лошадей, привязанных к дереву.

За те несколько минут, что меня не было в лагере, тут произошло нечто столь ужасное...

Забравшись в повозку, я отшатываюсь назад и чуть не падаю с её края, но успеваю сохранить равновесие. Там лежит тело второго солдата. Его горло перерезано так же, как у принцессы. Перед глазами снова мелькает картина захлёбывающейся кровью госпожи, во рту скапливается противная, горькая жижа.

Не в силах больше держать себя в руках, я высовываю голову из повозки. Судорожные толчки сдавливают грудь, вязкая масса поднимается из моего желудка и выходит вместе с негативными эмоциями, разъедающими нутро. С каждой новой такой волной колени подкашиваются. Мне едва удаётся устоять на ногах. Когда это наконец заканчивается, мир вновь обретает ясность.

Присмотревшись к безжизненному телу молодого солдата, я понимаю, что он даже не успел вытащить меч из ножен. Возможно, вообще спал, чтобы позже заступить на ночное дежурство.

Рядом с ним лежит кожаный мешок. Соображая со скрипом, я наугад беру пару наиболее плотных и простых платьев, чулки и панталоны, а сверху запихиваю паёк с сухофруктами. Со дна одного из сундуков достаю увесистый кошель и чековую книжку.

Даже сейчас основной инстинкт твердит мне — надо выжить.

Глава 4

Идти тяжело. Всё нутро болит, голова кружится, а между рёбер будто воткнули кинжалы. Забирать на себя чувства умирающего человека было не лучшей затеей, но... Моя госпожа хотя бы умерла без страха. И этот страх до сих пор сидит у меня под сердцем.

Кассиан Тинрейт несёт тело принцессы, завернутое в плащ. Мы идём меж деревьев, ледяные корки снежного покрова хрустят под ногами. Мимо пробегает заяц-русак и, видя нас, запрыгивает в нору. Сквозь иглистые ветки пробиваются первые лучи солнца, ложась неровными фиолетовыми тенями на белый ковёр.

Я смотрю на широкую спину барона. Сложно понять, знает ли он дорогу, но я всё равно иду следом, ведь мне больше ничего не остаётся.

Он знал принцессу с детства, она выросла на его глазах. Ему тоже больно, и мне не нужно применять свои силы, чтобы это почувствовать. К счастью, сейчас я не могу это сделать так, как обычно, ненароком, ведь мой Эфир истощён.

Мы выходим на поляну. Лорд Тинрейт находит незаснеженный клочок земли под объёмной юбкой одной из елей. Положив рядом тело принцессы, он касается сухой почвы, и небольшой её участок вдруг становится пластичным, словно глина. Дипломат выталкивает неестественно лёгкую и мягкую породу, отчего под ней образуется глубокая яма. Так вот какова магия трансмутации в действии.

— Я не смогу долго удерживать землю в таком состоянии. Нужно, чтобы ты помогла.

— Но ведь... разве мы не должны доставить... — я не сразу решаюсь сказать это слово вслух, — тело... Её Высочества обратно в Велмар, на родину?

— Подумай головой, — вздыхает барон. Привычной учтивостью в его словах и не пахнет. — Что произойдёт, если мы вернёмся в столицу с телом принцессы?

Ко мне постепенно приходит осознание. Именно нам придётся столкнуться с последствиями происшествия.

— Нас... казнят?

— Меня? Неизвестно, но вероятность есть. Тебя – непременно. Но не это главное.

Лорд Тинрейт морщится. Не в силах понять, откуда на его лице такая гримаса, я просто хлопаю глазами.

— Сначала помоги похоронить принцессу. Потом поговорим. — Его строгий голос заставляет меня отместить все последующие вопросы.

Я послушно киваю. В голове пустота, а желудок то и дело одолевают новые спазмы, вот только внутри уже не осталось ничего, кроме выжженной пустоты.

Аккуратно присев на край ямы с другой стороны, я притягиваю к себе кожаный плащ с телом госпожи. Ветер неприятно обжигает холодом влажное от слёз лицо. Прежде чем опустить свёрток в яму, я всё же решаюсь посмотреть на принцессу Эллен Лэстлайт в последний раз.

На её лице застыла нежная улыбка.

Слёзы снова подступают к уголкам глаз и, прокладывая по щекам горячие дорожки, падают прямо в яму. Барон отводит взгляд. Когда тело девушки опускается на дно, он мягко, словно большим одеялом, накрывает её землёй.

Аккуратный холмик теперь возвышается над пушистым снегом. Рассветное солнце озаляет его своими лучами, улыбаясь покинувшей этот мир принцессе в ответ.

Несколько минут я сижу над могилой моей госпожи. Всю жизнь Эллен Лэстлайт страдала от одиночества: у неё не было подруг, кроме меня, не было никого, кто мог бы позаботиться о ней больше, чем я. А теперь она лежит здесь одна, в холодной чужой земле.

Сердце сжимается от печали.

— Я была рада служить вам, Ваше Высочество.

Попрощавшись с принцессой, я оборачиваюсь и вижу сидящего под кроной соседнего дерева лорда Тинрейта. Запрокинув голову, он думает о чём-то своём — наверное, ему тоже хочется попрощаться. Я могла бы поднапрячься, израсходовать последние силы, чтобы понять, что он сейчас чувствует, но это было бы странно и невежливо с моей стороны.

— Ты вся в крови. — Он бросает на меня беглый взгляд. — Иди умойся снегом и переодень платье. Далеко не отходи только.

— Хорошо, господин.

Я замечаю, что теперь он обращается ко мне более фамильярно. Его право, после пережитого это неудивительно.

Взяв из кожаного мешка слегка смятое бархатное платье, принадлежавшее принцессе, я ненадолго покидаю поляну. Мои одежды действительно все измазаны в крови, и я в исступлении смотрю на эти пятна, стоя среди пушистых елей в одних панталонах. Отстирать будет трудно. Надо сначала замочить в холодной воде.

Ох, о чём я вообще сейчас думаю? О стирке?

Идиотка! Твоя прежняя жизнь закончена. Дальше либо в бега, либо на виселицу. Стирка — последнее, о чём стоит переживать теперь.

Кое-как завязав на себе платье с задней шнуровкой, я возвращаюсь на поляну. Кассиан Тинрейт стоит над свежей могилой, склонив голову. Аура вокруг него густая, тяжёлая, даже слегка отталкивающая. Тёмно-каштановые волосы взъерошены, он глубоко и размеренно дышит, но плечи всё равно время от времени неровно содрогаются. Барон явно погружён в свои мысли, и я не смею подавать голоса. Услышав шаги, он оборачивается и на секунду замирает, задерживая взгляд на моей неуверенной фигуре.

Его слова заставляют меня застыть на месте.

Глава 5

— *Что?*

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты похожа на принцессу Эллен?

От упоминания госпожи я вздрагиваю. Взгляд тут же опускается на могилу под заснеженной высокой елью, где мы несколько минут назад похоронили девушку, с которой барон только что беспардонно меня сравнил. Этот его вопрос распаляет во мне подавленную ярость.

— Простите, господин, но вы забываетесь, — рычу я, сжав ладони в кулаки. — Сейчас не время и не место для подобных странных комплиментов.

— Это не комплимент. Это факт. — Он подходит ближе и внимательно смотрит на меня. — Мягкие черты лица, миндалевидные глаза, линии правильные и аккуратные. По росту и телосложению вы с принцессой тоже были схожи. Принципиальная разница только в цвете волос и радужки. Волосы тоже светлые, но у принцессы они действительно выделялись... И у тебя тёмно-карие глаза, как это часто бывает у магов-менталистов.

От такой близости мне тут же становится неловко. Я отвожу взгляд, отгоняя непрошенные мысли.

— Я не понимаю, к чему вы клоните, лорд Тинрейт.

Он наклоняется ещё ближе, вглядываясь в мои черты, но я пячусь назад.

— Послушай. — Барон устало проводит по лицу ладонью. Сквозь пальцы смеряет меня внимательным взглядом. — Нам обоим очень жаль принцессу. Но теперь нужно решать, что делать дальше. Скорбь сейчас — непозволительная роскошь. Чем дольше мы откладываем решение насущных вопросов, тем хуже.

Его аура становится более угрожающей. Он очень зол, я никогда не видела его таким. Инстинкт твердит мне, что сейчас стоит держаться подальше, не перечить ему.

Кажется, лорд Тинрейт видит напряжение в моём теле. Он сбавляет тон, выдыхая и стараясь сдерживать свой гнев. К моему удивлению, у него это получается. Бьющий через край поток негативных эмоций начинает стремительно сужаться, успокаивая своё течение.

— Самое ужасное в сложившейся ситуации не то, что нас могут казнить. И даже не то, что погибла принцесса. — Аура барона становится тёмно-синей, ему сложно говорить об этом. — Куда хуже, если развяжется война.

— Убийца... Он ведь арканиец? — Перед глазами возникает образ незнакомца, с которым мы столкнулись в лагере. Худощавый мужчина средних лет с ярко-синими глазами и шрамом, рассекающим лицо от брови до уголка губ на противоположной стороне.

Только арканийцы владеют ледяной магией элементализма. Трупы были пронизаны ледяными шипами, вряд ли они взялись там просто так, из ниоткуда.

— Арканиец. И принцесса погибла на земле Аркании. Это станет поводом для войны.

Нутро щекочет от негативных эмоций, скопившихся внутри.

— Раз арканиец убил принцессу на их земле, то, быть может, война того стоит? Может, они действительно должны получить по заслугам? — процеживаю я сквозь зубы, не веря в то, что говорю. Ненависть, вспыхивающая где-то в глубине Эфира, рвётся наружу.

Барон опешил. Спокойствие, которое он вернул себе с трудом, тут же развеивается. Он стремительно сокращает расстояние, хватает меня за предплечье, притягивая ближе и заглядывая в глаза. В любой другой ситуации подобный жест можно было бы расценить противоречиво, но сейчас мы оба на взводе.

— Дура. Включи голову! — Два ярких аметиста смотрят на меня из-за грозовой тучи, окружающей пространство вокруг дипломата. От такого взгляда кровь приливает к ногам, а дыхание замирает. — Этот ублюдок вырезал весь лагерь, убил солдат, принцессу, даже лакеев и лошадей. Но нас почему-то оставил в живых. Как думаешь, почему?

— Вам удалось его спугнуть? — всерьёз отвечаю я, но тут же чувствую, что воздух вокруг начинает искриться. Барон злится ещё сильнее.

— Он даже не стал атаковать. Что это по-твоему означает?

И тут до меня доходит. Губы приоткрываются, с них слетают слова, такие далёкие, отрешённые, что мне и самой сложно поверить в них:

— Почему-то ему было нужно оставить нас в живых... Как свидетелей.

Отпустив мою руку, лорд Тинрейт продолжает пристально смотреть мне в глаза. Слишком нагло и прямолинейно, даже учитывая разницу в наших социальных статусах. От этого взгляда Эфир начинает колебаться, а ноги врастают в землю.

— Именно. Не всё так однозначно, я почти уверен в этом. — Барон отводит взгляд и немного отступает. — Ты притворишься принцессой.

Сердце пропускает удар. В глазах темнеет, а мир смазывается и теряет чёткость. Что он только что сказал?

— Лорд Тинрейт, вы не в себе, — мой голос доносится откуда-то со стороны, почти незнакомый мне. Не помню, чтобы когда-то он звучал так холодно и твёрдо.

— Беатрис, ты ведь и сама всё понимаешь.

Окутывающая дипломата туча вдруг становится чёрной. Он испытывает целый коктейль негативных чувств. Злоба, ненависть, сожаление, обречённость, страх, неуверенность. Слишком сложно выцепить из этого грязного облака что-то одно.

— Тот, кто сделал это, возможно, хотел развязать войну, — вздыхает он. — Представь, что будет, если столкнутся две крупнейшие страны Тэнрейна.

— Погибнет много людей...

От осознания по спине пробегают мурашки. И среди них могут оказаться те, кто ни в чём не виноват. Мне мгновенно становится стыдно за то, что я чуть слепо не поддалась гневу и начала оправдывать войну.

— Мыслишь в правильном направлении, наконец-то. А теперь представь лица тех, кто организовал убийство принцессы. Что, если наследница вдруг окажется живой и здоровой? И исполнит своё предназначение.

Я соображаю туго, но какие-то обрывки мыслей всё же мелькают в голове.

— Они... начнут паниковать?

Лорд Тинрейт кивает.

— Именно так. И начнут ошибаться. По крайней мере, мы сможем выиграть время.

— Но я же не принцесса! — возражаю я, стараясь не повышать голос. — И понятия не имею, как ей притвориться. Ни внешностью, ни поведением, я ни разу не соответствую ей.

— Вопросы с оболочкой оставь мне. — Пристальный взгляд фиолетовых глаз скользит по мне сверху вниз. — А вот над содержимым, возможно, придётся поработать.

Я всё ещё не могу поверить в ту безумную идею, которую мы обсуждаем.

— У тебя есть бесспорное преимущество, — продолжает он, уводя глаза куда-то в сторону. — Никто другой не знал принцессу так близко, как ты.

Это правда, от которой становится больно. Только мне принцесса могла доверять, и лишь я знала её сокровенные тайны...

— Я думаю, что Кас очень милый. — Принцесса наклоняется к моему уху, пока я, заварив кофе, сижу вместе с ней в гостиной и мерно отпиваю из чашки свой напиток.

— Ваше Высочество, вы же не...

— Знаю, знаю. Я не могу вступать в отношения, ведь уже скоро для меня выберут жениха. Мне уже семнадцать, этот день всё ближе. — Её аура вдруг меняет цвет. Без спроса я стараюсь не влезать в её чувства и эмоции, только если это напрямую не касается моих обязанностей, в основе которых — забота о принцессе.

Но даже так я всё равно ощущаю исходящую от неё печаль. Я пытаюсь её успокоить:
— Уверена, Его Величество выберет для вас лучшего кандидата, госпожа.

Неподалёку от нас в беседке дворцового сада сидит лорд Тинрейт, статный молодой человек с очень притягательной внешностью. Конечно, любой девушке, у которой есть глаза, понравился бы барон, недавно получивший титул. Почти всё своё время он проводит в ближайшем окружении Великого Герцога, занимает высокое положение при дворе. Напряжённо о чём-то размышляя, мужчина играет в странную стратегическую игру, переставляя небольшие фигурки животных на круглой деревянной доске.

— Надеюсь на это. Но могу ведь я просто любоваться Касом издалека. — Принцесса подмигивает мне, слегка подтолкнув в бок. — Как думаешь, Трис, я нравлюсь ему? Ты ведь можешь почувствовать это?

Любовь — наиболее сложное чувство для мага-менталиста. Если ты сам никогда не любил, то распознать это чувство будет почти невозможно, разве что если напрямую коснуться владельца и установить с ним эмоциональную связь. Затрудняет дело то, что все воспринимают любовь по-разному.

— Вы понравитесь кому угодно, Ваше Высочество, — отвечаю я, стараясь сохранять спокойствие. — Но узнать его чувства наверняка я не могу, для этого нужен прямой контакт. Лорд Тинрейт знает, что я маг-менталист, он вряд ли будет столь неосторожен.

Делая вид, будто пью кофе из чашки, я мельком поглядываю на барона. Его широкие плечи и твёрдая осанка пробуждают в моём теле странный трепет. Но если он нравится Её Высочеству, я должна выбросить эти глупости из своей головы. Оно того не стоит. Беатрис — безродная служанка принцессы, её чувства никого не волнуют, и так будет всегда.

Но... Можно ведь любоваться издалека?

Глава 6

Холодно. Ноги сильно болят.

По солнцу и мху на деревьях лорд Тинрейт определил, в каком направлении нам нужно двигаться, и вот уже несколько часов мы с ним идём через заснеженный лес.

Подол бархатного платья весь намок и покрылся ледяными корками от снега. Я стараюсь приподнимать его, но с каждым разом это выходит всё тяжелее. Отсутствие сна даёт о себе знать, ведь с самого утра мы безостановочно преодолеваем сугробы. Кругом только бесконечные одинаковые деревья. Живот урчит от голода, но совсем нет моральных сил, чтобы поест — я ноги то с трудом переставляю.

Взгляд падает на спину барона. Видно, что он тоже устал, но явно ощущается его решимость. Пусть я и не давала прямого согласия на осуществление этой безумной затеи с переодением, но не согласиться с его доводами я тоже не могу. Он во многом прав.

Тот, кто сделал это с моей госпожой, должен понести наказание.

— Если немного поторопимся, доберёмся до Аркенхольма к утру.

— К утру... — повторяю я конец фразы, пытаюсь осознать, как долго нам ещё идти. Голос немного дрожит от холода. Зубы стучат, а в челюсти будто заклинило какой-то механизм.

Лорд Тинрейт оборачивается и беглым взглядом оценивает меня. Его аура смягчается.

— Я понимаю, что идти тяжело. Но нам нельзя останавливаться. Иначе станет только хуже, и мы рискуем нарваться на неприятности.

Он опускает глаза. Кажется, смотрит на моё платье, покрытое ледяными корками. Вдруг лорд Тинрейт молча снимает своё тёплое пальто с меховым воротом и накидывает на мои плечи, а сам остаётся в вельветовом сюртуке. И, не говоря ни слова, он просто отворачивается и продолжает идти. Немного шокированная таким широким жестом, я пытаюсь сосредоточиться на эмоциях барона, но без толку: его Эфир не шелохнулся. Ему всё равно, он делает это не из каких-то личных побуждений.

И хорошо. От этого на душе даже легче, наверное.

По мере приближения темноты идти становится всё труднее. Благодаря пальто лорда Тинрейта мне не столь холодно, но оно тяжёлое, а закаменевшие икры уже начинают нестерпимо ныть. Накопившаяся в ногах усталость то и дело заставляет меня спотыкаться. Каждый раз, когда это происходит, аура барона колеблется то ли от раздражения, то ли от беспокойства, хотя внешне он остаётся невозмутим.

— Ладно, мы сделаем очень короткий перерыв. Поужинаем и продолжим путь. — Его строгий голос заставляет меня вздрогнуть.

— Хорошо, лорд Тинрейт.

Мы устраиваемся под широким стволом ели. Где-то рядом свистит ветер, но колючие ветви защищают нас, огораживая от вьюги ближайшее пространство. Барон достаёт из кожного мешка сухофрукты и протягивает мне горсть. Его пальцы, сжимающие курагу, кажутся неестественно белыми на фоне тёмного рукава сюртука.

Сидя в тишине, мы просто едим кусочек за кусочком. Руки трясутся от усталости. Я жую и поджимаю под себя ноги, накрывая их подолом пальто, чтобы согреть, но это не особо помогает. Откуда-то из глубины леса слышится протяжный вой. Вслушиваясь в него, я вздрагиваю.

— Волки, — барон подаёт голос. — Потому-то нам и не стоит задерживаться. К тому же, костёр в таких условиях не развести, как ни старайся.

Ветер усиливается. Ели начинают покачиваться, шелест и скрип ветвей проносится меж крепких стволов. На меня снова накатывает ужас от осознания того, как мы оказались здесь. Плечи начинают дрожать. Хочется плакать, но не могу: от обезвоживания в теле нет лишней

жидкости. Барон делает вид, будто не обращает внимания, но я чувствую, как меняется его аура. Она становится более мрачной, такой, что невольно хочется отодвинуться.

Ему больно.

Наш скудный ужин подошёл к концу, и вот мы снова пробираемся через сугробы посреди деревьев. Просвет меж елями становится шире. Ветер дует в лицо, мне почти ничего не видно, потому я просто стараюсь держаться прямо за спиной лорда Тинрейта.

— Может, стоило переждать ночь там? — Мой голос подхватывает свист ветра. До дипломата он не доходит. Я поднимаю воротник, прикрывая рот, и повторяю вопрос.

— Нельзя. Мы либо замёрзли бы насмерть, либо нас бы нашли дикие животные. Остановливаться опасно. К тому же, так мы быстрее доберёмся до города, — барон говорит громко, почти кричит, чтобы его было хорошо слышно.

Час, два, три. Не знаю, сколько мы уже идём с момента привала. Ветер понемногу стихает, уступая сцену ухажившим совам и лунному свету, который пробивается меж голубых елей и создаёт на снегу причудливые тени, на этот раз тёмно-серые. Ещё вчера я любовалась одной из таких елей, замороженная великолепием векового дерева. Пока принцессу убивали. Её смерть для меня всегда будет пахнуть хвойным лесом, зимним мхом и смолой.

Несколько шагов и... всё. Деревьев впереди больше нет, только снежные поля, подсвеченные светом полной луны. На горизонте виднеются слабые огоньки. Мы вышли из леса. Сердце отчего-то начинает биться быстрее, гоняя кровь по заледеневшим венам, а взгляд наконец-то обретает ясность. Ещё немного, и всё будет позади.

Но короткий порыв ветра словно шепчет мне: не будет. Это только начало.

Я невольно ускоряю шаг. Видя это, Кассиан Тинрейт тоже начинает идти быстрее. Кажется, будто мы ни на метр не приближаемся к цели, однако вот перед нами уже виднеется протоптанная дорога. Прежде, чем ступить на неё, я оборачиваюсь.

— Прощайте, принцесса... — шепчу себе под нос и до боли сжимаю кулак. Этот лес отнял то небольшое, что у меня оставалось.

Нагнав барона, я продолжаю брести по дорожке. Проходит около получаса, прежде чем мы наконец оказываемся перед каменными стенами.

— С какой целью вы прибыли в Аркенхольм? — Высокий голос стражника пробуждает во мне и радость, и тревогу одновременно. Я бросаю вопросительный взгляд на барона, гадая, что же он ответит.

— Я сопровождаю знатную особу с дипломатическим визитом. — Его голос звучит спокойно, по нему и не скажешь, что в лесу с нами произошло нечто ужасное. — По пути на нас напали разбойники, мы остались без экипажа и охраны.

Стараясь не выдать волнения, я чуть отвожу взгляд. Стражник, кажется, оценивает наш внешний вид. Скользит по моему платью и спутанным волосам, по дорогому сюртуку барона и его безупречной осанке. Скрип ворот заставляет меня поморщиться.

— Проходите, — бубнит мужчина. — Надеюсь, вы не сильно пострадали. Когда оклемаетесь, зайдите в казармы, чтобы мы могли составить рапорт.

— В этом нет необходимости, — говорит лорд Тинрейт. — Важно доставить леди в столицу как можно скорее, мы не можем тратить время на это.

Я замираю в ожидании ответа стражника. Немного поразмыслив, мужчина хмыкает и пожимает плечами.

— Как знаете. — Жестом он приглашает нас войти. К счастью, стражник не слишком ответственно относится к своим обязанностям. — На центральной площади есть гостинный двор.

— Благодарю. Леди, прошу следовать за мной.

Дипломат безупречно играет свою роль, в то время как я просто делаю то, что он говорит. Протоптанная дорога сменяется брусчаткой. Оказавшись в городе, я оглядываюсь: каменные

дома с серой черепицей покрыты снегом, но улочки хорошо очищены и освещены железными фонарями. Всё кажется более цивилизованным, нежели я ожидала.

— Мы не пойдём в гостиный двор, — отрезает лорд Тинрейт, кивая куда-то вбок.

Без разницы. Сил нет даже на вопросы, так что я просто слеую за дипломатом, свернувшим с освещённой улицы куда-то в закоулки.

Глава 7

Открыв глаза, я вдруг замечаю, что солнце уже взошло.

Ох, я проспала! Нужно помочь принцессе с утренним туалетом.

Помочь... принцессе...

Воспоминания о недавних событиях накатывают слишком внезапно, оседая между рёбер тяжёлой волной. Глаза жжёт, слёзы сами по себе начинают падать прямо на колючие простыни. Хотелось бы, чтобы всё произошедшее было сном, но... Всё было взаправду.

Эллен Лэстлайт мертва, а мне больше не о ком заботиться.

Я смутно помню, как в итоге оказалась в этой комнате, хотя само наличие тёплой постели уже обнадеживает. Здесь всё обставлено так, как я привыкла, пока служила во дворце: скромные обои, односпальная кровать с бежевым постельным бельём из плохо обработанного хлопка, деревянная тумбочка с кувшином и стаканом воды. Просто и без излишеств.

Лоскутное одеяло тёплое и мягкое, пусть и коротковато. Отодвинув его, я обнаруживаю, что всё ещё одета в синее бархатное платье, принадлежавшее моей госпоже. У меня не было сил даже на то, чтобы снять его.

Стоит мне встать, как ноги тут же наливаются свинцом. Голени ноют от долгой ходьбы по сугробам, на пальцах мозоли. Каждый шаг даётся с трудом, а в ступни словно вбили гвозди. Глаза цепляются за небольшое зеркало. Оно выглядит потрёпанным, но достаточно чистым для того, чтобы понять — его регулярно протирают, берегут.

Я вглядываюсь в своё отражение. Волосы лежат как попало, некоторые пряди слиплись между собой. Даже после сна на лице заметна усталость: под глазами синяки, щёки впалые от изнеможения. Выгляжу, мягко говоря, не очень.

Подойдя к порогу комнаты, прислоняюсь ухом к двери. Где-то рядом слышатся незнакомые голоса: какой-то мужчина о чём-то спорит с женщиной, явно пожилой. Даже через дверь я ощущаю её страх и сожаление. Она пытается избежать конфликта, но незнакомец слишком настойчиво хочет поругаться с ней, продолжая наседать. Подонок.

С другой стороны слышатся чьи-то шаги, они становятся всё громче. Кажется, кто-то поднимается по скрипучей лестнице и держит путь сюда, в эту комнату. Вокруг него скопилось густое облако ауры.

Отстранившись от двери, я поправляю платье. Наспех расчёсываю волосы пальцами, хотя это вряд ли хоть немного улучшит ситуацию.

Раздаётся короткий стук.

Лучше немного подождать, сделать вид, будто я не подслушивала у двери только что. Спустя пару секунд всё же решаюсь и, повернув в замке ключ, тяну дверь на себя. Она кажется хлипкой, но поддаётся с трудом.

На пороге стоит лорд Тинрейт. В белой рубашке и синем жилете с золотой цепью карманных часов барон смотрится свежо. Надо сказать, значительно лучше меня, будто ничего не произошло. Но по его мрачной ауре я понимаю: как бы хорошо дипломат ни выглядел, он не в порядке.

— Как самочувствие? — коротко спрашивает он, осматривая меня с головы до ног.

— В свете недавних событий это не важно, лорд Тинрейт. Весь этот ужас ведь не при-
снился мне?

Он оглядывается, делает резкий шаг вперёд и, зажав мне рот ладонью, толкает внутрь комнаты. Дверь захлопывается. Барон отпихивает меня и тут же впивается взглядом в моё лицо. Его аура становится гуще.

— То, что произошло в лесу, должно остаться между нами. Никому нельзя об этом знать. — Дипломат процеживает каждое слово сквозь зубы. — Не говори об этом вслух. Если возможно, то даже не думай о произошедшем. У стен бывают уши. А где уши, там и рот.

— Хорошо, лорд Т-тинрейт, — заикаюсь я, испугавшись его напора.

— Умница, — выдыхает он. Плечи опускаются, а аура немного проясняется. — И можешь не обращаться ко мне столь официально с сегодняшнего дня.

Взяв в углу комнаты стул, барон приставляет его к кровати и садится. Я смотрю на него с выражением искреннего непонимания.

— Присядь, — говорит он, кивком указывая на кровать. — Ты и с принцессой была такой деревянной? Не припомню.

Упоминание покойной госпожи отзывается волной мурашек, спускающихся вдоль позвоночника.

— Нет, л... — я запинаюсь и пытаюсь подобрать верное обращение к нему, — лорд...

— Просто зови меня Касом, — отрезает он, явно раздражённый возникшей неловкостью.

Как я, простая служанка, могу называть барона Кассиана Тинрейта, придворного дипломата и доверенное лицо Его Величества, который к тому же старше меня почти на семь лет, «Касом»? В голове не укладывается.

— Это непросто. — Я медленно мотаю головой.

— Придётся привыкнуть. Мы теперь сообщники. Если и наедине будем общаться с соблюдением всех формальностей, это будет контрпродуктивно.

— Котр... что?

Стыдно. Я не слишком хорошо понимаю заумную речь образованных господ. Совсем деревенщиной меня тоже не назовёшь, учитывая, как долго я была при дворе и служила правящей семье. И тем не менее, лорд Тинрейт получил блестящее образование, владеет словечками, значения которых мне в жизни не понять.

— Не к месту это. Вот и всё. — Он резко выдыхает. Его густой фиолетовый Эфир колеблется от напряжения и неопределённости.

Сев на кровать, я стараюсь держаться от него подальше. Барон, конечно, сдерживает эмоции, но контролировать ауру слишком сложно. Всё равно ощущается тяжесть его внутреннего мира, состоящего из смеси подавленных чувств и запертых на замок мыслей. От этого рядом с ним мне некомфортно.

— Нам надо решить, что делать, — продолжает он, потирая пальцами виски. — Пока мы живём в этом трактире, нельзя выдавать, что мы как-то связаны с государственными делами. Так что старайся ни с кем тут не разговаривать. Мы просто едем в столицу на приём и решили остановиться здесь. Это ты поняла?

— Поняла, — киваю я. Мне не нравится, что он разговаривает со мной, будто я идиотка и совсем ничего не понимаю. Но сейчас мысли разбегаются, думать тяжело. Слишком уж много всего навалилось. — Что дальше?

— Придётся быстро подготовить тебя к роли принцессы. У нас максимум неделя, не больше. Эту задержку можно списать на сложности, возникшие в дороге. Иначе заподозрят неладное.

Лорд Тинрейт тревожится, когда говорит об этом. Его аура то и дело колеблется, а глаза блуждают по комнате в поиске опоры.

— Но как мне притворяться принцессой? У них же наверняка есть представление о том, как выглядит Эллен Лэстлайт.

Я беру в руку золотистый локон. Волосы слиплись от ветра и снега, пряди кажутся сухими, безжизненными.

— У меня есть одна идея. Но сначала — этикет, знания о светском обществе и умение держаться при дворе. — Барон опускает голову и начинает потирать шею сзади. Я вижу уста-

лость в его плечах, лёгкую дрожь на пальцах. — Без этого тебя разоблачат, даже если ты будешь полной копией принцессы.

— Но я знаю этикет...

— Ты знаешь его как прислуга, — он тут же перебивает меня.

Я сжимаю челюсть, чтобы ненароком не огрызнуться. Хорошо, что мне почти не приходилось общаться с лордом Тинрейтом ранее — он не самый приятный собеседник. Хотя крупная раздражения всё же прорывается сквозь Эфир.

— Не считите за наглость, но я даже не соглашалась на осуществление этой безумной затеи.

Лорд Тинрейт громко выдыхает и прикладывает руку ко лбу. Его аура бушует всё сильнее, так, что кажется, будто он вот-вот сорвётся.

— Мы оба понимаем необходимость этой, — следующее слово он явно выделяет голосом, — безумной затеи. Давай не будем делать из этого ещё одну проблему. Скажи, у тебя есть другие варианты, как нам выжить, найти виновников и сохранить мир между Арканией и Велмаром?

Мне нечего ответить. Потому я просто молча продолжаю слушать его.

— Рад, что мы нашли контакт. — Барон откидывается на спинку стула. Разбушевавшаяся аура становится более ровной, колебания замедляются. Он всё ещё напряжён, это видно в ауре, читается по тому, как вздымаются его плечи и напрягается шея. Но держит себя в руках. — Так вот. Проблема в том, что ты знаешь этикет снизу. Опускаешь взгляд, лебезишь, прислуживаешь.

Да что он о себе возомнил? От недовольства я показушно фыркаю. Барон не обращает на это никакого внимания.

— Даже сейчас. Я дал тебе понять, что со мной не нужно больше вести себя как прислуга. Но ты всё равно обращаешься ко мне с привычным раболепием. Первый промах. Говори со мной проще.

Конечно, мне сложно общаться с титулованной особой на равных. Моё детство прошло там, где жизнь ничего не стоила, в отличие от аристократов, родившихся с золотой ложкой во рту.

— С сегодняшнего дня учись держаться гордо и не опускать взгляд, — говорит барон. — Нужно, чтобы всё в тебе выдавало уверенность.

— Хорошо, Кас...

Когда мои губы произносят вслух это короткое имя, перед глазами возникает образ принцессы. Только она называла его так. Всегда легко, непринуждённо, даже играючи, будто обращаясь к старшему брату, а не придворному дипломату, второй влиятельной фигуре во дворце после Великого Герцога. Мне такая дерзость непростительна.

Когда я думаю об этом, в груди что-то неприятно щемит.

— Умница. — Барон кивает и встаёт со стула. — Приводи себя в порядок и спускайся к обеду. Потом я приду к тебе, будем разучивать этикет.

Следующие несколько дней совсем не вписываются в мой привычный образ жизни. От того, что не нужно присматривать за кем-то, помогать, сопровождать, поддерживать, иногда даже делать замечания... как-то не по себе.

Лорд Тинрейт учит меня этикету. Как правильно приветствовать и разговаривать, различать титулы, исполнять реверансы, вести себя за столом. Признаться, обучение даётся мне с трудом. Барон прав, я привыкла служить и лебезить, что никак не вяжется с королевской статью принцессы, рождённой в аристократической среде. Особенно мне не достаёт мягкости и плавности, какой обладала Эллен. В движениях, жестах, взгляде.

Это то, чему невозможно научиться.

— Ещё раз! — командует барон, видя, как старый блокнот, который мы одолжили у хозяина трактира, начинает сползать с моей головы во время ходьбы. Снова.

Я возвращаюсь на исходную позицию и кладу на макушку тонкий переплёт. Исполнив реверанс, поднимаю взгляд на лорда Тинрейта. Его аура уже более спокойная, нежели в начале обучения, когда каждое моё неловкое движение вызывало у него явное раздражение. Но нужно отдать должное — он неплохой учитель. Сдерживает эмоции дипломат тоже весьма неплохо, ведь, несмотря на внутреннее напряжение, он ни разу на меня не сорвался.

Шаг, два, три. Чувствую, что блокнот снова соскальзывает. Стараюсь держать спину ровнее, но процесс необратим. В тишине комнаты раздаётся шлепок — звук моего позора. Барон шумно выдыхает.

— Что же с тобой делать?

Он встаёт с края кровати и, обойдя меня, подходит почти вплотную сзади. Его ладонь ложится между моих лопаток. Спокойно, уверенно, будто касаться меня — всё равно что прикладывать руку к стене или двери. Слегка придерживая моё плечо второй рукой, он мягко давит на позвоночник.

— Осанка начинается здесь. — Ладонь барона скользит чуть ниже и нажимает на поясницу. — И здесь. Важно держать не только голову и плечи, всё твоё тело должно рисовать невидимую ось. Понимаешь?

От этих прикосновений я вздрагиваю, послушно выпрямляя спину в указанных точках. По рукам едва ощутимо ползут мурашки, а с губ срывается короткий вздох, но он, кажется, не слышит.

— Понимаю, — бормочу я и, разворачиваясь и поднимая с пола блокнот. Снова отхожу в дальний угол комнаты.

— Тогда повторяем снова. Если уронишь его, я затяну на тебе корсет так, что дышать не сможешь. И заставлю ходить в нём весь день.

Раньше я и не думала, что лорд Тинрейт такой прямолинейный и в чём-то даже беспардонный. Со стороны он казался обходительным, настоящим аристократом с приятными манерами. Но, возможно, на меня его приятные манеры не распространяются. Действительно, я же простая служанка, с чего бы ему обращаться со мной бережно?

Пару раз за эти несколько дней наших упорных занятий мне на мгновение показалось, что за его жестами может крыться что-то большее. Но нет. Когда я считывала его эмоции, там не было ничего, что хотя бы частично выдавало симпатию или какой-либо романтический интерес.

Тем не менее, его угрозы подействовали хорошо. Мне наконец-то удаётся пройти заданную дистанцию, не уронив записную книжку.

— На сегодня закончим, — говорит лорд Тинрейт и отталкивается от стены. — Всё время старайся контролировать осанку.

Он проходит мимо, на ходу снимая блокнот с моей головы. В нос ударяет аромат шафрана.

— Завтра это будет книга по истории Тэнрейна. Уронишь её — мало не покажется, поверь. Я накажу тебя самым неприятным образом.

Хочется спросить, каким же, но я не решаюсь. Не стоит лишний раз нарываться.

Глава 8

После занятий Кассиан неизменно куда-то уходит. В этот раз он тоже исчез, не сказав ни слова. Я как-то думала проследить за ним, но это будет выглядеть странно — вряд ли меня это касается.

Он оставил книгу, тот самый томик с краткой историей Тэнрейна — мира людей. Дипломат купил её специально для меня в местной книжной лавке. Устроившись за небольшим ветхим столиком у двери, я открываю книгу. Слышу хруст корешка, вдыхаю аромат бумаги и бережно открываю первую страницу. Палец скользит между строк, в то время как я стараюсь держать спину прямо, не сутулиться. Слава Стальной Деве, читать я научилась ещё в юности. Благодаря принцессе.

Кое-что из истории Тэнрейна мне, конечно, известно. Например, что когда-то Великое Герцогство Велмар, Королевство Аркания и Стальная Республика Кастория были частями одной империи. Но я не знала, что та самая Стальная Дева, возможно, реально существовавшая личность.

Именно она распорядилась возвести стену между Тэнрейном и Забытыми землями, участвуя в её строительстве. В реальности эту женщину звали Аэлита Стилхелм. Она родилась на севере, недалеко от области поражения. В книге излагается теория, что Стальная Дева была первым человеком, у которого пробудилась чувствительность к Эфиру ещё до проникновения магии в Тэнрейн.

Любопытно. Легенды же гласят, что Стальная Дева — богиня, которая спустилась к людям с неба и возвела стену, границу между миром живых и проклятыми территориями, именуемыми Забытыми землями. Эта легенда лежит в основании некогда главной религиозной ячейки старой империи — Церкви Стальной Девы. Своё влияние она смогла сохранить только в Аркании.

Около ста лет назад за стеной произошёл мощный всплеск загадочной энергии. Так некоторые люди в Тэнрейне обрели чувствительность к Эфиру — способность использовать магию. Чем ближе к стене, тем чаще встречаются маги, но в среднем их не более трети от населения Тэнрейна.

Везде отношение к магии разное. Велмар использует магию для развития технологий, инженерии и промышленности. Велмарцы склонны к чарам трансмутации, кинетики и гламура, а маги в нашей стране высоко ценятся — они легче добиваются признания, устраиваются на более высокооплачиваемую работу.

В Аркании чаще всего встречаются маги-практики, которые умеют зачаровывать предметы, но славится страна элементаристами, повелевающими стихиями. Это наиболее сильная магия, хорошо применимая в бою. Арканийцы используют магию только для защиты, Церковь Стальной Девы запрещает использовать её в повседневной жизни, а маги-элементаристы нередко становятся солдатами, охраняющими стену.

Про Стальную Республику Касторию, название которой часто сокращают до трёх букв СРК, известно меньше всего. Обладатели чувствительности к Эфиру там обязаны служить государственным целям, применять свои силы в самых разных областях. Там же чаще всего встречаются маги-менталисты и некрокинетики, обладатели наименее явных, но наиболее опасных видов магии.

По этой причине я стараюсь не распространяться о своих силах: за пределами СРК подобной магии сторонятся, ведь она легко перетекает в тёмную, запретную. Опасна такая магия и тем, что её действие не всегда очевидно. А люди склонны бояться того, чего не видят или не понимают.

Перелистывая страницу за страницей, я не замечаю, как от избытка информации начинает болеть голова. Но принцесса должна быть образованной, чтобы поддерживать светские беседы при дворе, так что придётся вернуться к чтению позже. Я массирую переносицу и бросаю взгляд на окно. Вечереет. Надо поужинать, восстановить силы.

Ужин подаёт пожилая женщина, она же, судя по исходящему от неё аромату коптильни, и готовит еду. Владелец таверны то ли её сын, то ли младший брат — между ними есть явное внешнее сходство: оба низкорослые, с носами, по форме напоминающими картошку, и опущенными уголками глаз. Вкус у здешних блюд неплохой, ингредиенты свежие, но иногда не хватает соли и приправ.

Когда я приступаю к ужину, тёплому картофельному пюре с куриной ножкой, на пороге показывается Кассиан. На его плечах и волосах виднеется снежная стружка. Заметив его, я неосознанно выпрямляю спину. Вот же, выдрессировал. Учтиво отряхнувшись у порога парой элегантных жестов, барон снимает с себя пальто и закидывает его на плечо.

— Когда доешь, зайди в мою комнату, — бросает он, проходя к лестнице.

Обычно он не беспокоит меня в вечернее время. Из-за любопытства я начинаю есть быстрее, ложка за ложкой запихивая еду за щёки. Если бы Кассиан увидел это — прибил бы.

Поблагодарив кухарку, я сразу направляюсь к барону. К моему удивлению, он тоже взял для себя скромную комнату. Возможно, других здесь и нет. Хотя кровать у него явно побольше, постельное бельё из более дорогого материала. Возле неё я замечаю какие-то сундуки и мешки.

Ясно. Он пытается собрать фальшивое приданое.

Заметив мой взгляд, барон кивает в сторону сундуков.

— Завтра пойдём по бутикам выбирать тебе платья. Эти сундуки нужно набить вещами. Я уже купил несколько книг, которые могут тебе пригодиться. Ещё немного косметики и безделушек.

Он бесцеремонно берёт меня за запястье и подводит к зеркалу. Я не привыкла, чтобы меня вот так касались, всякий раз хочется отнять руку и вlepить ему пощёчину, но в его действиях нет никакого умысла. Пока что это его спасает.

Вынув что-то из кармана, барон раскрывает мою ладонь и кладёт в неё небольшую коробочку из красного бархата.

— Что это? — спрашиваю я, разглядывая предмет в руке.

— Решение одной из наших проблем. Открой, но пока не трогай.

Приложив небольшое усилие, я поднимаю крышку коробочки и вижу внутри кольцо невероятной красоты.

Выполненное из какого-то серебристого металла, по форме оно напоминает розу. Лепестки её усыпаны миниатюрными драгоценными камнями, а в сердцевине красуется чистейший аметист. Как-то лорд Тинрейт дарил принцессе на день рождения серьги с этими прекрасными фиолетовыми камнями, так я и узнала, как выглядят аметисты. По окружности кольцо выковано в виде ветвей и листьев розы, на накладке тоже имеются аметисты, огранённые в форме лепестков. Само колечко небольшое. Будь оно более крупным, смотрелось бы слишком вычурно.

Мне никогда не приходилось держать в руках столь прекрасную и дорогую вещь, потому я сжимаю коробочку чуть сильнее, боясь случайно выронить её из руки.

— Красивое, конечно... Но как оно решит нашу проблему?

— Это кольцо зачаровано магией гламура. Оно меняет цвет волос и глаз владельца.

Вот как. Магия гламура действительно действует подобным образом.

— Ты будешь первой, кто коснётся этого кольца напрямую. Возьми и надень его на палец, представляя образ принцессы Эллен.

Имя госпожи снова заставляет меня вздрогнуть. Прошло несколько дней, а я до сих пор не могу поверить в её смерть. Даже тело реагирует.

Отряхнув ладонь о подол платья, я беру зачарованное кольцо. В руках оно смотрится даже меньше, чем казалось, пока было в коробочке. Только на какую руку его надеть?

Моя левая рука изуродована шрамом от ожога. Помогая маме на кухне в детстве, я случайно пролила на ладонь горячую похлёбку. С тех пор светло-розовые рубцы покрывают край ладони и задевают два пальца — безымянный и мизинец. Такую руку украшать не хочется, но на правой такое кольцо будет попросту неудобно носить.

Ладно, без разницы. Всегда можно переодеть.

Сделав пару длинных вдохов и выдохов, я погружаюсь в воспоминания, выискивая там образ принцессы. Мне нужны всего лишь волосы и глаза, но... Я не могу не думать о самой принцессе.

Помню, как я заплетала её жемчужные волосы. Она обожала разные причёски, любила заколки, красивые шпильки и тиары, хотя удобнее всего ей было с простой косой. При дворе был парикмахер, но свои волосы Её Высочество доверяла только мне. Они были гладкими, словно шёлк, а на солнце её локоны чуть ли не светились мягким перламутровым сиянием.

Лазурно-голубые глаза смотрели на близких с нескрываемым восторгом и нежностью. Аура принцессы была чистой, тёплой и неизменно яркой. И когда она была счастлива, я тоже была счастлива.

К глазам подступают слёзы.

Вынырнув из омута воспоминаний, я встречаю взгляд Кассиана. Он одновременно удивлён и испуган. Я обращаю внимание на свою покалеченную кисть и вижу, что кольцо уже нашло место на мизинце.

Глаза находят зеркало. Нутро сжимается. Рот то открывается, то закрывается в попытке вымолвить хоть слово. Ноги подкашиваются, и я хватаюсь за спинку стоящего рядом стула, опираясь на него, чтобы не упасть.

— Проклятье... — слова дипломата разрывают тишину.

Кольцо Гламура

Кольцо было изготовлено на заказ, включает в себе чары Гламура, которые позволяют менять цвет волос и глаз носителя.

Глава 9

— Ты очень похожа на мою дочь.

Статный среброголовый мужчина с невероятно яркой аурой замечает меня, когда я подаю ему напитки.

Одет он скромно, но со вкусом. В нём можно заподозрить путешествующего торговца или ремесленника. Мать говорила, что таких посетителей нужно обслуживать особенно аккуратно и тщательно, чтобы они оставляли щедрые чаевые.

Постукивая пальцами по столешнице, мужчина вглядывается в моё лицо. Как ни странно, я не чувствую исходящей от него угрозы, напротив, его мягкий взгляд внушает доверие.

В трактир заходят разные гости. Волей-неволей, мне приходится считывать их эмоции, чтобы хорошо обслуживать. Почувствовать недовольство, предложить ещё напитков или блюд, если гость в прекрасном расположении духа. Это облегчает работу, но... От ауры некоторых посетителей хочется пойти наверх и отмыться чистотелом.

Этот человек не из таких.

— У вас всё в порядке? — Из-за спины доносится высокий голос, который заставляет меня застыть на месте. Невысокий, с вечной ноткой раздражения и усталости. Мама. — Официантка хорошо себя ведёт? Она вас ничем не оскорбила, не обидела?

По какой-то причине мать строго-настрого запрещает мне рассказывать про свою магию. Не понимаю, почему, но приходится слушаться.

Её костлявые израненные руки ложатся на мои хрупкие плечи. По спине тут же пробегает волна холодных мурашек, тело напрягается. Я задерживаю дыхание, чтобы случайно не сказать и не сделать что-то не так.

— Всё прекрасно, не переживайте. Просто девочка принесла мне воды, хотя я не просил этого. — Белоснежная улыбка идеально дополняет и без того светлую и тёплую ауру мужчины за столиком. — Но жажда действительно мучила меня. Она столь юна, но уже очень проницательна.

Мой взгляд цепляется за сидящего подле него молодого человека. От похвалы взрослого господина в присутствии юноши я вдруг ощущаю, как кровь приливает к щекам.

Красивый.

Потягивая пиво, парень весь вечер смотрит в окно со скучающим видом, но в этот момент вдруг переводит острый взгляд фиолетовых глаз на меня. Их блеск на мгновение заставляет меня забыть о том, зачем я здесь. Никогда не видела такого чистого фиолетового цвета, даже цветы в лавке напротив не сравнились бы с этими глазами.

Я крепче прижимаю поднос к своему хрупкому тельцу, чувствуя, как пылают щёки.

— Да, Беатрис только двенадцать, но она уже незаменима в нашем трактире. — Отчего-то аура матери начинает колебаться. Но мне сложно определить, что конкретно она чувствует, особенно в присутствии этого мужчины с более сильным Эфиром.

— Двенадцать? Я думал, ей около десяти. — Большая ладонь незнакомца приглаживает щетину на вытянутом лице.

— Она немного отстаёт в росте и весе, — говорит мать с натянутой улыбкой.

Этот диалог уже начинает её утомлять, но почему-то она продолжает общаться с загадочным господином.

— Вот как. — Мужчина оставляет пальцы у подбородка. Взгляд притупляется. Он смотрит то на меня, то на мать, и её ногти всё сильнее впиваются в мою кожу. Больно. — Всего на год старше моей дочурки. Может, девочка хотела бы поработать служанкой у крупного землевладельца? С кем я могу поговорить о её будущем?

Услышав это слово, я внутренне содрогаюсь.

Будущее.

Живя в каморке на чердаке, питаюсь объедками и лёжа на соломенной куче после четырнадцатичасовой смены, было бы странно размышлять о таких вещах. Всё, о чём я могу думать — это как бы дожить до завтрашнего дня.

— Со мной, господин. Беатрис — моя дочь.

Аура матери начала колебаться ещё сильнее, но в то же время загорается каким-то новым, ярким светом. Однако этот свет совсем не похож на тот, что исходит от мужчины. Он скорее подобен дрожащему пламени сальной свечи — немного раздражает и внушает необъяснимую тревожность.

— Я живу в столице. Моей дочери не помешала бы хорошая служанка, желательно ровесница, которая точно так же могла бы понимать её без слов. Она у меня пусть и весёлая, но трудно находит контакт со сверстниками. Не хотели бы вы, чтобы ваша дочь поехала с нами? Я готов гарантировать ей кров, пищу и хорошее обращение.

— Господин, не считите за грубость, но как я уже упомянула, Беатрис — незаменимый работник. — Мать наклоняется ближе к мужчине, слегка отодвинув меня вбок. Её голос звучит на полтона ниже. — А ещё она обладает редким даром... — Она почти переходит на шёпот: — Магией ментализма.

Эфир вздрагивает. Почему она вдруг решила сказать им об этом?

Незнакомец хмурит брови. Юноша, с которым он ужинал, бросает удивлённый взгляд на мужчину. Я невольно сосредоточилась на ауре этого молодого человека. Густая, тяжёлая, даже немного вязкая, но того же цвета, что и его глаза.

— Вы меня заинтересовали. — Потирая одной рукой макушку, мужчина берёт в другую стакан воды и отпивает пару глотков. — Раз девочка — маг-менталист, скажите, она может считывать мотивы, мысли? Определять самочувствие и настроение человека?

Мать слегка подталкивает меня в спину.

— Беатрис, расскажи этому господину, что ты умеешь.

Я смотрю на неё украдкой. Прищулив глаза, она улыбается. Раньше мне никогда не приходилось видеть улыбки матери, но вот, спустя столько лет, я вижу это впервые, впервые чувствую её одобрение.

Потому я рассказываю незнакомцу о своих способностях свободно и без утайки, тараторя, но стараясь не слишком повышать голос. Он внимательно слушает меня, время от времени бросая взгляды на юношу. Тот хмурится, рассматривая меня и будто не понимая, почему его спутник вообще обратил на меня внимание.

Он мне не верит.

— Хорошо, — кивает мужчина. — Я так понял, вопрос в сумме, которую мы сможем заплатить за девочку. Нужно же как-то компенсировать утрату столь ценного для вас работника.

Мать с досадой качает головой, хотя в её ауре читается явное воодушевление.

— Она не только работник, но и моя дочь...

— Просто назовите цену.

Полчаса спустя я уже еду в большой карете. Станный господин и сопровождающий его юноша сидят напротив. От вечерней прохлады я начинаю невольно дрожать, а в груди саднит от необъяснимой досады. Меня ведь только что продали незнакомым людям...

И я, вероятно, больше никогда не увижу маму.

Мужчина смотрит на меня. На мои дрожащие плечи, вздымающуюся от беззвучных всхлипов грудь. И вдруг достаёт откуда-то из-за поясицы плотную шаль, протягивая её мне.

— Не бойся, мы тебя не обидим, — говорит он вдруг.

— Я не боюсь, — бормочу я себе под нос, стараясь скрыть дрожь в голосе. — У вас светлый Эфир. Вы хороший человек, господин.

Его тонкие губы расплываются в добродушной улыбке.

— Думаю, вы с Эллен поладите.

Кассиан аккуратно дёргает меня за плечо. Точно, я ведь надела кольцо и тут же ушла в свои мысли.

— Да уж...

Выдыхая, я вытираю лицо рукавом платья и возвращаюсь к зеркалу. Отражение в нём пугает.

— Ну, насчёт маскировки мы можем не переживать. — Барон разводит руками. — Теперь даже я мог бы вас перепутать.

Да, разницу заметит только тот, кто хорошо знал Её Высочество. Кассиан пытается вести себя непринуждённо, но его аура меняет цвет на синий. Он чем-то опечален.

— Ты... в порядке?

Мне всё ещё непривычно обращаться с ним так фамильярно. Почти восемь лет между нами была дистанция размером с пропасть, а теперь мы объединены общим секретом и желанием найти тех, кто убил дорогого нам человека.

— Да. Всё хорошо, — сухо отвечает барон, возвращаясь на своё место. — Можешь идти к себе. Кольцо поканими, наденешь его завтра, после того, как выйдем из трактира. Закупимся и сразу переедем в гостинный двор. Экипаж я уже нанял.

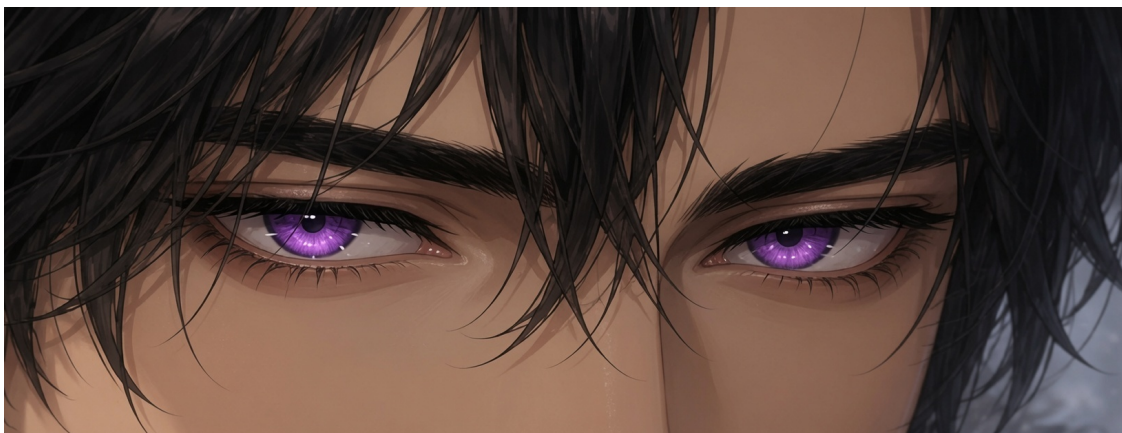
Кассиан знает, что я чувствую эмоции и легко распознаю, соответствуют ли они его словам, и тем не менее, продолжает скрывать их за маской спокойствия. Интересно, зачем он так делает? Кого пытается обмануть, мага-менталиста или себя?

Всё равно. Если меня это не касается, то и лезть не стоит.

Встав перед зеркалом, я снимаю кольцо с пальца. Мои волосы плавно темнеют от корней, возвращая родной золотой оттенок, а глаза моментально становятся тёмными, стоит мне моргнуть. Выглядит это слишком странно и необычно, даже немного пугающе... Вот была маска, а вот её нет.

И эту маску мне придётся носить впредь.

Глава 10

Как и обещал Кассиан, на следующий день, когда мы выселились из трактира, я захожу в безлюдный переулок, чтобы надеть кольцо. Мгновение, и маска на месте. Пальцы скользят по жемчужным прядям, которые, как ни крути, не стали такими же мягкими, как у неё. Глаза немного щиплет то ли от мороза, то ли от магии Гламура. Я делаю короткий вдох и уже в образе принцессы Эллен Лэстлайт, перенеяв её имя и биографию, шагаю вперёд.

Ещё день, но из-за пасмурного неба городок погрузился в полумрак. Свет витрин и редких уличных фонарей делает его более загадочным, как и мерцание свечей в старых плафонах с запотевшими стёклами.

Кассиан бросает на меня короткий взгляд. Ничего не говорит, просто молча кивает в сторону главной улицы, но на границах его ауры виднеется лёгкая рябь.

Идя следом за молодым бароном, облачённая в новую шубу и стараясь не чувствовать тяжести меховой шапки на своей голове, я смотрю вперед. У меня никогда не было такой теплой одежды. Странное чувство распирает изнутри, душит и заставляет кровь приливать к щекам. Это вовсе не из-за холода, а от волнения, смешанного с чувством неизвестности и страхом неминуемых изменений, ворвавшихся в мою жизнь.

Кажется, начинается снег. Я поднимаю руку ладонью вверх, наблюдая, как снежинки кружат в воздухе медленный вальс и приземляются на мою кожу, тут же превращаясь в капли воды. Холодные.

— Сегодня твоя первая реальная тренировка, — говорит Кассиан, не оборачиваясь. — Ты должна держаться как подобает благородной даме.

Мы заходим, наверное, в наиболее дорогой магазин в этом городе. Над витриной красуются золотые буквы, складывающиеся в название Салон-бутик леди Ренар. Дверь открывается бесшумно, но где-то рядом звякает небольшой колокольчик.

Мне уже приходилось бывать в подобных местах вместе с принцессой. Она всегда мучила продавцов, заставляя их выносить одно платье за другим, рассказывать о каждом из них всё: из какого они материала, кем были сделаны, где была произведена ткань, сколько есть таких экземпляров в городе.

На самом деле, принцесса просто обожала всё, что связано с модой и одеждой. Не родись она в семье Великого Герцога, то наверняка бы стала известным мастером по пошиву одежды. Или держала бы подобный бутик.

На нас обращает внимание служанка-продавщица, невысокая стройная девушка с собранными в аккуратный пучок русыми волосами. Она приветливо улыбается. Аура девушки светлая, но она едва ощутимая, — это частый признак усталости. Хотя работает это правило не со всеми.

Например, аура барона подобна шторму, и она давит даже тогда, когда дождя нет. Простой человек бы назвал это сильной энергетикой, но я действительно вижу исходящие от него серо-фиолетовые тучи. Даже здесь. Кассиан держится чуть позади, на приличной дистанции, а его присутствие тем не менее ощущается.

Девушка собирается направиться в нашу сторону, но в этот момент из-за бархатной шторки появляется богато одетая дама в красном парике. Оценив нас беглым взглядом, женщина тут же опережает служанку.

— Добрый день, леди! Добро пожаловать в мой скромный салон. Чем я могу быть вам полезна? — Она делает лёгкий изящный реверанс и резко выпрямляет спину. Её губы, накрашенные красной помадой, остаются в позиции лёгкой полуулыбки.

И это скромный салон? Он почти не уступает бутикам Меридиана, которые мы с принцессой объезжали по несколько раз в сезон.

Я инстинктивно оборачиваюсь на Кассиана. Аура дипломата становится гуще. Сосредоточившись, ощущаю исходящее от него любопытство вперемешку с ледяной жёсткостью.

Он мне не поможет.

— Здравствуйте, — киваю я, спокойствие на лице. — Мне нужны лучшие платья для поездки в столицу.

— На вашу прекрасную фигуру я могу предложить множество вариантов. Какой стиль вы предпочитаете? Могу продемонстрировать вам самые разные ткани и фасоны. — Не дожидаясь ответа, хозяйка салона подкатывает ко мне несколько манекенов. — Вот это платье, например, очень популярно среди знатных дам Нордхайма. Оно привлекает даже самых неприступных женихов.

Женщина подмигивает мне и демонстрирует открытое бордовое платье с кружевной окантовкой и вышивкой в форме роз на рукавах. Красивое, конечно, но Кассиан говорил, что одеваться при дворе лучше сдержанно, выбирать дорогие ткани.

— Я предпочла бы более закрытые фасоны. Хотя, признаться честно, мои познания о моде Аркании слишком скудны.

— Тогда давайте я сначала покажу вам ткани, потому что закрытых платьев у нас очень много. Зельда, принеси по одному образцу разных текстур, но в одном цвете. — Хозяйка салона оборачивается к служанке, и та тут же скрывается где-то за шторкой. Спустя минуту она выносит нам стопку из нескольких свёртков ткани бордового цвета.

Я присаживаюсь на небольшой диванчик, и женщина, вытащив из стопки один из свёртков, подаёт его мне, аккуратно разворачивая в руках. Поначалу мною овладевает паника. Трогать такие тонкие и дорогие ткани своими несуразными руками — как-то в голове не вяжется. Но я всё же осторожно растираю кусочек свёртка между пальцами. Текстура гладкая, приятная, немного прохладная на ощупь. Наверное, от платья из такого материала будет доноситься звук, похожий на шелест листвы.

— Эта ткань приехала к нам из Агоркона. Новинка, специально для вас. Лучшая ткань в Тэнрейне, уж поверьте.

Агоркон — небольшая восточная страна с сильной экономикой, граничащая сразу с четырьмя государствами. Принцесса любила агорконские ткани, из них ей шили платья для наиболее важных празднеств. Так что их вполне можно рассмотреть.

— Да, ткань из Агоркона подойдёт. Но из неё будет сложно сделать плотные, тёплые платья. Нордхайм ведь севернее Аркенхольма, там будет холоднее, да и зима в самом разгаре. Так что из агорконской ткани я выберу только одно платье, для балов. Пусть оно будет в голубых оттенках.

— У вас прекрасный вкус! — Хозяйка салона встаёт и начинает осматривать платья. Не найдя чего-то подходящего, она удаляется за ту же шторку. Служанка следует за ней.

Через несколько минут женщина уходит, служанка же выкатывает манекен с прекрасным платьем в сине-голубых тонах. Насыщенно-синий корсет изящно подчёркивает грудь. Более плотная синяя ткань с одной стороны аккуратно облегает плечо, а тонкая шелковистая ткань нежно-василькового цвета с другой стороны волнами ниспадает на руку. Тонкие золотые нити закручиваются в причудливый узор, подчеркивая асимметричность верха платья. Многослойная ткань струится от бёдер по бокам, словно волны, а под ней виднеется более светлая и нежная юбка в пол. На золотых нитях кое-где красуются синие бабочки.

Роскошно и изысканно.

— Это платье существует всего в одном экземпляре. Его создал известный в Велмаре дизайнер, я взяла его прямо с аукциона, пришлось даже побороться за него. Впрочем, вы и сами видите его красоту.

— Отлично, хочу его примерить.

Мы со служанкой удаляемся за дверь в просторную комнату, Кассиан же как мужчина остаётся сидеть на диване там, где нам демонстрировали манекены. Девушка помогает мне переодеться. Её движения аккуратные, профессиональные — наверняка ей много раз в день приходится одевать и раздевать аристократок.

И правда, эта ткань такая приятная к телу. Теперь я понимаю, почему агорконские ткани так высоко ценятся.

Хозяйка салона, увидев меня в платье, громко вздыхает и прижимает ладони к груди.

— Оно так вам подходит!

Служанка подводит меня к зеркалу, и я замираю. Это платье выглядит столь прекрасно, что даже касаться его страшно. Но я касаюсь. Стараюсь сохранять самообладание, сдерживать своё искреннее восхищение, хотя это даётся с трудом. Мои глаза то и дело цепляются за отражение. Я знаю, что это не я, но как же странно и непривычно стоять в этом дорогом платье посреди просторной примерочной модного салона. Не в роли служанки, а в роли госпожи.

— Пригласите мужчину, с которым я пришла?

— Конечно! — Лицо женщины расплывается в широкой улыбке, отчего в уголках глаз появляются гусиные лапки. Она подходит к двери и подзывает дипломата, и только в этот момент мне вдруг становится не по себе.

Мне ни за что не сравниться красотой с принцессой.

Сзади слышатся шаги. Я оборачиваюсь и встречаюсь взглядами с Кассианом.

Его аура вздрагивает, стоит ему увидеть меня. Она вдруг начинает излучать тот же лёгкий тёплый свет, который исходил от него, когда рядом была принцесса. Глаза барона скользят по мне сверху вниз, цепляясь за приоткрытые плечи. В аметистовых глазах плещется нечто невысказанное, скрытое от моего дара, будто он подавляет в себе какую-то эмоцию.

Но уже спустя пару секунд его Эфир затягивают тучи.

— Прекрасное платье, госпожа, — бросает барон, отводя взгляд. — Идеально подойдёт, чтобы заявить о себе, когда вы выйдете в высший свет Нордхайма.

Он поджигает губы, учтиво кивает и тут же удаляется обратно за дверь. Наверное, ему не понравилось.

Я примеряю ещё несколько платьев. Остальные наряды более плотные, из тяжёлых тканей, с закрытыми фасонами и меховыми вставками. Бархат, фланель, глазет, адтабас. Все невероятно приятные к телу, но ощутимо тяжелее, чем то самое синее платье.

Возвращаясь из примерочной, я оборачиваюсь на Кассиана. Его аура спокойная, он явно доволен тем, как я справилась. Хозяйка салона же чуть ли не светится от счастья. Она даёт служанке немой приказ, и та начинает собирать ткани, разложенные на диване.

— Вы сделали прекрасный выбор! — лебезит женщина. — Все платья идеально сели по вашей фигуре и подчеркнули вашу изящную внешность.

Я замираю. Что-то не так.

Перевожу взгляд на служанку, которая взяла в руки несколько свёртков ткани. Кажется один из них начал выскальзывать из общей стопки. Девушка паникует, аура подрагивает.

Мгновение, и один из образцов ткани шлёпается на пол. Чувствуя растерянность служанки, я тут же наклоняюсь и поднимаю ткань, аккуратно стряхивая с неё налипшую пыль.

Ох, сильно испачкалась.

Ещё пара осторожных движений... Вот. Хорошо.

Выпрямившись, я замечаю, что на мой согнутый силуэт обращены все взгляды в комнате. До меня доходит не сразу...

Это была ошибка. Я не должна помогать прислуге.

Аура хозяйки салона вспыхивает ярко-красным цветом. Она в гневе, её шумное дыхание наполняет комнату, напудренное лицо бледнеет ещё сильнее, а шея наоборот становится багровой.

— Моя ткань! — В гневе она оборачивается на служанку и хватает её за плечо своими цепкими когтями, точно разъярённый зверь. — Дура неуклюжая! Ты хоть знаешь, сколько стоят эти ткани? Ты столько за всю жизнь не заработала!

Девушка дрожащим голосом пытается выдавить из себя извинения, но выходит лишь какое-то невнятное бормотание. В голубых глазах читается страх, она старается удержать остальные ткани несмотря на хватку своей госпожи.

Бедолага...

Обернувшись и одарив меня наигранной кривой улыбкой, хозяйка салона берёт ткань из моих рук.

— Позвольте, леди, — процеживает она сквозь зубы, стараясь не уронить улыбку, — это совершенно неловко и недопустимо!

Моё поведение оскорбило её. Её аура бушует, фонтанируя гневными всплесками. В голосе дамы больше не осталось любезности, с которой она обслуживала меня до этого. Только скрытое презрение. Женщина явно сомневается в моём высоком статусе, раз я позволяю себе помогать прислуге.

— Зельда, извинись перед леди! — последнее слово она чуть ли не выплёвывает, обращаясь к служанке.

— П-простите! Пр-рошу прощ-щения, леди! Это моя вина! — шепчет девушка и склоняет голову, прижимая к груди столь драгоценные для неё свёртки. Я чувствую: она едва сдерживает слёзы.

— Громче, Зельда!

Мне становится плохо от гневного буйства хозяйки салона и болезненного страха служанки. Я чувствую, как Эфир в груди становится горячим, начинает пульсировать, выталкивая воздух из лёгких.

Вдруг между ними и мной встаёт Кассиан.

— Ваше Высочество! Позвольте мне с этим разобраться. Вы не должны утруждать себя. — Стоя ко мне лицом, он делает глубокий поклон.

Его аура ледяная, как и его голос. Даже я вздрагиваю от упоминания монаршего титула. Точно, я ведь самозванка, и моя выходка лишь стала подтверждением тому, что служанка не может стать принцессой.

Барон осторожно ограждает меня, уводя в сторону, а затем резко оборачивается на хозяйку салона. Она бледная, как снег, а служанку вовсе бросает в дрожь.

— Леди Ренар. Вы позволяете себе повышать голос в присутствии Её Высочества принцессы Эллен Лэстлайт, герцогини Велмарской. Вы осознаёте степень вашей... *неловкости*, а также *недопустимости* такого поведения?

Женщина замирает. Как только к ней приходит осознание моего статуса, её тело сгибается в глубоком поясном поклоне, а голова почтённо склоняется вниз. Аура хозяйки салона становится багровой от чувства вины, границы колеблются от страха. Поклон даётся ей с трудом из-за сдавливающей почти отсутствующую талию корсета, но она всё равно стоит так даже дольше положенного, ожидая милости.

— В-ваше Высочество! — Её губы дрожат, а голос звучит фальцетом. Мясистые щёки побагровели в цвет ауры, сливаясь с париком, женщина говорит со мной, но больше не осмеливается смотреть мне в глаза. — Простите! Я не ведала! Позвольте предложить вам шампанского, лучшего в Нордхайме! Или, может, чаю? Всё самое лучшее для вас, мы полностью в вашем распоряжении!

Я бросаю беглый взгляд на служанку. Она тоже дрожит, страх окутывает её густой пеленой, с особой силой сжимая то место, за которое её схватила хозяйка несколькими минутами ранее.

Надеюсь, ей не сильно влетит.

Взявшаяся из ниоткуда излишняя услужливость и слащавый голос хозяйки салона не вызывают во мне ничего, кроме раздражения. Виски начинают пульсировать. Нужно поскорее убираться отсюда.

— Не стоит, — отвечаю я.

— Позвольте хотя бы предложить вам скидку, Ваше Высочество! Пятьдесят... Нет! Восемьдесят процентов! Если это вас не оскорбит!

— Ваше Высочество, позвольте дальше я сам со всем разберусь, — Кассиан мягко обращается ко мне. Его губы складываются в учтивой улыбке. Притворство? Нет. Кажется, ситуация ему на руку, ведь его аура успокаивается, а сквозь тучи ауры пробиваются редкие лучи света.

Я сажусь на диван, стараясь держать осанку. Кассиан руководит хозяйкой бутика и служанкой.

— Да, вот это платье. И вон то. Подшейте и упакуйте для Её Высочества. Счёт пришлите мне, на имя барона Кассиана Тинрейта.

Он время от времени поглядывает на меня. Мягкий почтительный взгляд сменяется строгим взглядом, когда женщины отворачиваются или уходят в помещение за шторкой, увозя с собой очередной богато одетый манекен.

Чувствую, меня ждёт взбучка.

Глава 11

Когда мы с Кассианом выходим из салона, моя голова всё ещё разрывается. И сейчас будет ещё один круг.

На улице уже стоит пара карет, одна из которых нагружена сундуками и мешками из трактира. Тяжёлая аура дипломата ощущается в каждом его вдохе. Как же хочется поскорее остаться в одиночестве. Никогда не любила общество людей именно из-за подобных ситуаций.

Из-за дверей бутика слышится ругань той женщины:

— Как ты посмела, идиотка? Ты хоть представляешь, какие убытки я понесла из-за тебя? Вовек не расплатишься!

Слыша это, я сжимаю руки в кулаки. Ногти больно впиваются в кожу, за грудиной давит чувство вины. Я не должна была реагировать. Из-за меня её накажут.

Подавая мне руку, чтобы помочь зайти в карету, барон даже не смотрит в мою сторону. Сев на место, я ощущаю, как сердце на секунду замирает. В голову тут же начинают лезть мысли о той ночи, а перед глазами возникает образ...

Выливающаяся из раны на шее кровь, синеющие губы, испуганные глаза...

Нужно выбросить это из головы. Сейчас не время.

Стараясь расслабиться и отпустить негативные эмоции, я делаю несколько длинных вдохов и выдохов. Спустя пару минут ко мне вновь возвращается шаткое самообладание.

Барон садится напротив. Мы остаёмся наедине, окутанные тишиной. Я не решаюсь поднять на него взгляд, усиленно делая вид, будто мне очень интересен городской пейзаж за окном.

Карета трогается с места.

Первое время мы едем до гостиного двора в напряжённом молчании. Заговорить с Кассианом сейчас представляется самоубийственной затеей. Он старается подавить эмоции, его аура то и дело колеблется, заполняя пространство вокруг нас тёмной дымкой.

— Ваше... Высочество. — Голос дипломата звучит тихо, но от этого я ещё сильнее ощущаю исходящую от него угрозу. — Вы сегодня устроили восхитительный спектакль.

— Я просто хотела помочь, — мои слова с ледяной решимостью вырываются изнутри вместе с глубокой досадой. Знаю же, что пожалею об этом.

— Помочь кому? Прислуге? Поднять тряпку! — Барон становится всё твёрже в своих словах.

— Если вы не забыли, лорд Тинрейт... — намеренно выделяя злополучное вы, я перехожу на шёпот, чтобы лакей случайно не услышал, о чём мы говорим. Но это нисколько не смягчает тон разговора. — Я вообще-то тоже всего лишь прислуга!

Несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза, обмениваясь немymi оскорблениями. Наконец он опускает плечи и откидывается на спинку сиденья.

— Великодушие и сострадание — величайшие благодетели, достойные принцессы. И прекрасно, что они вам не чужды. Будь вы такой же, как эта леди, — он чуть ли не выплёвывает это слово, — Ренар, было бы куда хуже. Но вы должны помнить о своём высоком, нет, высшем статусе! Своей помощью вы лишь усугубили ситуацию. От слухов и сплетен вас спас только ваш титул. Хозяйка салона не станет болтать, чтобы не навредить своей репутации. И тем не менее, Ваше Высочество...

Тяжело вздыхая, дипломат наклоняется ко мне. Настолько, что можно почувствовать исходящий от него аромат шафрана. Убедившись, что нас не подслушивают, Кассиан продолжает, переходя на шёпот:

— Трис, я всё понимаю. Тебе нелегко. Но мир между Велмаром и Арканией держится на твоей способности безупречно лгать и играть свою роль. Определись, собираешься ли ты идти

до конца в нашей миссии. Каждая слезинка той девушки в бутике — это потенциальная река крови на полях сражений. Выбирай: минутное сострадание или тысячи жизней.

Я отвожу взгляд. Нутро сжимается от стыда, а между рёбер растекается неприятное, Ю саднящее чувство вины.

Он прав. Если я хочу найти тех, кто сотворил это с принцессой, нужно лучше стараться и больше не совершать таких ошибок.

Мы остановились в наиболее приличном гостинином дворе. Здесь для меня заняли роскошный номер: в нём есть и двуспальная кровать, и более-менее приличные обои, и даже керосиновая лампа, благодаря которой я могу изучать купленные Кассианом книги по вечерам. Но я всё же предпочитаю свечи.

— Завтра мы отправляемся. К полудню будь готова. — Кассиан, заставший меня во время вечернего чтения, стоит в дверном проёме. Увидев заметив в моих руках книгу, он морщится и делает пару шагов внутрь. — Что ты там читаешь?

— Учение о магии Альберна Райхарта, — коротко отвечаю я, молчаливо возмущаясь бесцеремонным поведением Кассиана.

Я уже приготовилась ко сну. Сажу в одном лишь ночном платье и кожаных сапогах — со стороны это может выглядеть нелепо, но у меня мёрзнут ноги. Хотя бы в своём номере я надеялась на тишину и покой, без вторжений поздним вечером.

Барон, кажется, оценил мой наряд. Его аура приобрела несвойственный ему жёлтый оттенок.

Он смеётся про себя? Или улыбается? Скорее смеётся.

— Вот как. И что нового узнала?

Я поворачиваю голову к нему и удивлённо моргаю.

— Да ничего особенного. Магия ведь плохо изучена, в книге больше воды, чем пользы.

Скривив губы в странной полуулыбке, Кассиан наклоняется ко мне. Кажется, он пытается заглянуть в книгу, но от его дыхания рядом с шеей по коже ползут мурашки. Слишком близко.

— Многое из того, что предложил Альберн Райхарт в этой книге, действительно работает. — Низкий голос звучит прямо у меня над ухом. — Если бы не он, Велмар бы ни за что так не продвинулся в вопросе магических технологий.

— Не спорю, — говорю я, стараясь не обращать внимания на странное, щекотливое чувство. Пальцы сильнее впиваются в обложку. — Но всё равно наиболее значительная часть этой книги — всего лишь ги... гипо...

— Гипотезы, — заканчивает барон. — Не можешь запомнить — просто говори предположения.

Щёки тут же покрываются краской стыда. Вот дура, решила использовать новое выученное слово, но забыла, как оно звучит, и осталась невеждой в глазах Кассиана.

— Почему же ты так считаешь? — продолжает он, выпрямляясь и скрещивая руки на груди. Теперь, когда он больше не нависает надо мной сзади, я наконец-то могу выдохнуть.

— Потому что принципы работы магии разнятся в зависимости от многих вещей. Слишком много тонкостей, чтобы пытаться это как-то сложить в одну систему.

Мой ответ явно заинтересовал барона. Он стоит, склонив голову вбок, а цвет его ауры плавно перетекает в бирюзовый.

— И тем не менее, — дипломат чешет висок, — именно Альберн Райхарт придумал классификацию магии. И она используется по сей день. Кстати об этом...

Он вдруг замолкает и начинает расхаживать по комнате.

— Твоя магия может быть полезна, чтобы найти убийцу или организатора этого кошмара. Расскажи, как она работает, какие у тебя способности?

Я озадаченно смотрю на барона.

— Но ты ведь и так в курсе, что я умею. Рассказывала ведь.

— С тех пор много времени прошло. Маги же могут развивать свои навыки и силу воздействия, и я надеялся, что ты не исключение. Так и не научилась читать мысли?

— Нет, — выдыхаю я. — Для этого нужен более длительный и тесный контакт с человеком. Я могу считывать лишь поверхностные, наиболее эмоциональные мысленные реакции.

Кассиан подходит ближе и, опираясь на столешницу, вновь склоняется надо мной. Его взгляд на мгновение цепляется за приподнятый подол моего платья, оголяющий колено.

— Например? — Его голос становится тише, ниже, и отчего-то мне кажется, будто аура барона слегка колеблется.

— Не знаю... — Пытаясь найти подходящий пример, я разворачиваюсь к нему. В воздухе между нами повисает странное напряжение, но я отгоняю непрошенные мысли. Прижимаю к груди книгу, стараясь не смотреть ему в глаза. — Допустим, тебе наступили на ногу, но ты приличия ради просто сдержанно улыбнулся. Если я достаточно долго знакома с твоей аурой и прикоснусь к тебе в этот момент, то, быть может, смогу услышать, как ты бранишься в своей голове. Но когда боль стихнет — эффекта уже не будет.

— Звучит как что-то бесполезное, — вздыхает он. — Я слышал, что опытные маги-менталисты могут читать мысли других без всяких заморочек.

Я пожимаю плечами.

— Ты правильно сказал, опытные. — Неосознанно постукивая пальцами по обложке, я смотрю на барона снизу вверх. — Так уж вышло, что я никогда не встречала других менталистов. И слабо понимаю, как это бывает у других. К тому же, в тесном контакте я была только с принцессой. Потому сложно судить, получится ли у меня читать мысли других.

Хмыкнув, Кассиан отталкивается от стола.

— Значит, подумаем, как развивать твои таланты.

Глава 12

Утро выдалось слишком сумбурным.

Не знаю, зачем мы вообще заехали в этот гостинный двор, чтобы отбыть уже на следующий день. Наверное, это часть плана дипломата. Он не посвящает меня в свои мысли, не объясняет ходы, но я предполагаю, все эти передвижения нужны для того, чтобы создать официальный "след" принцессы: как она прибыла сюда, где поселилась, когда отбыла в столицу. Если под нас вдруг начнут копать.

Я завтракаю в комнате и пытаюсь надеть платье, раскорячившись перед зеркалом. Задняя шнуровка — это сущий кошмар. Понятия не имею, как справляться с ней в одиночку, тем более в дороге. Почти все роскошные платья имеют заднюю шнуровку, будто их создатели нарочно издеваются над несчастными женщинами, которым по чьей-то гениальной задумке непременно нужно одеваться с помощью слуг. Не говоря уж о том, что в этих платьях невероятно тесно.

Со стороны двери раздаётся стук.

— Сейчас, — бросаю я, вытирая со лба испарину.

— Ваше Высочество, нам пора ехать.

И к чему эта спешка?

Придерживая незатянутый корсет, я подхожу к двери и поворачиваю замок. Раздаётся щелчок. Барон, кажется, понимает намёк и заходит внутрь, но тут же застывает на пороге. Его взгляд скользит на мои руки.

— Ваше Высочество, вы...

— Поможешь? — перебиваю его я.

Он тяжело вздыхает и входит, закрывая за собой дверь.

— Теперь, когда мы тут официально, а ты пребываешь в облике принцессы, нам нельзя взаимодействовать... как раньше.

— Я понимаю, понимаю. — Мои руки чуть не взмывают вверх в успокаивающем жесте, но я успеваю вовремя опомниться. Неловко. — Просто эти платья так сложно надевать самостоятельно. Если ты хочешь, чтобы мы отправились поскорее, помоги, будь добр.

Кас чуть усмехается одним уголком губ.

Заходит за мою спину и поправляет волосы, откидывая их вперёд. Спокойно, без тени смущения, будто делал это уже сотни раз. Хотя он и правда уже делал это, когда учил меня осанке, и ещё тогда я заметила, что он всё время касается меня так. Даже не знаю, радует меня это или нет. Иногда я чувствую себя просто предметом мебели в его руках.

— Выпрями спину, — командует он.

Его пальцы натягивают шнурок. Резко. Даже слишком, и спина невольно выпрямляется сама по себе, а из лёгких вырывается вздох. Неприличный, слишком неприличный вздох.

В комнате повисает тишина, такая же плотная, как аура барона. Я невольно считываю её, ища какой-то реакции, но ничего не происходит. Заметна лишь лёгкая рябь на краях.

Кас продолжает затягивать шнурок, и каждое такое движение будто заковывает меня в невидимую клетку. Прутья сжимаются, как и регилиновый каркас, постепенно лишая меня свободы. Это навеивает определённые мысли.

Позабыв о бароне за спиной, я поднимаю руку и смотрю на кольцо, надетое поверх шрама. Бледный свет холодного северного неба проникает в комнату, теряется в гранях аметистов. Оно действительно прекрасно. Но его красота никак не затмевает того факта, что это кольцо — замок на моей клетке.

Сделав финальный узел, Кас делает шаг вперёд. Замирает, видя, как я смотрю на кольцо, и сам задерживает долгий взгляд на моей руке.

Я на мгновение смущаюсь, хочу спрятать уродливую кисть. Однако Эфир барона остаётся неизменным, всё та же туча, и мой шрам его, кажется, не волнует. Он будто и не заметил его вовсе.

Пару секунд мы молчим. Просто стоим в комнате вдвоём. Но вот барон поднимает взгляд и говорит:

— Буду ждать тебя внизу. Закупимся провиантом, заберём платья и сразу в путь. Поспешите.

Затем он просто разворачивается и выходит из комнаты, не дожидаясь моего согласия. А я продолжаю смотреть на кольцо, осознавая, что с этого момента мне придётся носить его, не снимая.

Экипаж останавливается возле бутика леди Ренар. Барон молча встаёт и выходит из кареты, придерживая для меня дверь, а я следую за ним. Холодный ветер тут же ударяет в лицо, но осознание того, что мне снова придётся войти туда, в место, где вчера произошёл казус, леденит нутро куда сильнее.

Колокольчик вновь встречает нас тихим звоном. Ещё вчера этот салон казался мне роскошным модным бутиком, подобным тем, в которых мы с принцессой Эллен частенько покупали новые наряды, но сегодня атмосфера совсем другая.

На меня накатывает внезапное чувство тревоги.

— Пару минут! — я слышу голос той самой женщины, доносящийся из комнаты для примерки. Наверное, обслуживает других клиентов.

Я пытаюсь унять нарастающий в груди жар, но не выходит. Что-то не так.

Кас, кажется, чувствует моё замешательство, но просто садится на диван, изящным жестом закидывая ногу на ногу и опираясь на кулак. Он явно даёт понять мне свою позицию — простой наблюдатель. И что бы я сейчас ни сделала, выкручиваться придётся в одиночку, без его помощи.

Ощущение тревоги усиливается, оно не покидает меня. Ноги несут тело в сторону той самой шторы, из-за которой вчера вывозили платья и выносили ткани. Отодвигая её, я осматриваю помещение, размерами вдвое превосходящее примерочную комнату. Внутри стоят манекены. Какие-то повреждены, на какие-то из них надеты дорогие платья. Но в тишине комнаты они выглядят немного пугающе, зловеще.

Я прислушиваюсь.

Рядом со входом в подсобку есть небольшая дверца. Она слегка приоткрыта, а изнутри слышатся какие-то всхлипы. Аккуратно приблизившись к этой двери, я заглядываю внутрь.

Что я творю? Кас снова будет недоволен.

Но то, что я вижу внутри, заставляет Эфир болезненно сжаться.

Вчерашняя служанка стоит спиной к двери и держит в руках швабру. Всклипывая, она пытается оттереть какое-то пятно. Её движения скованные, каждое из них приносит боль. Даже в темноте я замечаю на локтях девушки ссадины. Аура её дрожит, переливаясь всеми оттенками боли, от синего до болотного и ядовито-красного.

Я поджимаю губу. Аккуратно сделав шаг назад, возвращаюсь к Касу. Он смотрит на меня и, кажется, хочет что-то сказать, но дверь примерочной комнаты распаивается.

Из-за двери выходит какая-то богато одетая женщина в открытом бордовом платье. Том самом, которое мне вчера предложила хозяйка салона. Сама леди Ренар идёт следом, а за ней — скромно одетая девушка с собранными в пучок чёрными волосами. Они что-то обсуждают, застряв в дверях. Клиентка проходит мимо нас, смеряя Каса томным взглядом и прикрываясь веером. На её лице появляется загадочная ухмылка, а Эфир играет алыми оттенками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.